

Инна Инфинити

Зови меня моим именем

«Литнет»

2020

Инфинити И.

Зови меня моим именем / И. Инфинити — «Литнет», 2020

В прошлом я майор разведки и русская шпионка, а сейчас работаю в службе безопасности крупной компании. В мои обязанности входит обольщать конкурентов и доставать из них нужную информацию. Мои приемы соблазнения не знают проколов, а сердце не знает чувств. Но однажды я получаю досье на свою новую жертву — молодого бизнесмена Илью Токарева. Когда-то я была безнадежно в него влюблена, и теперь мне не терпится отыгаться на том, кто разбил мои песочные замки.

© Инфинити И., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клиент	8
Глава 2. Наследство	11
Глава 3. Вечеринка	15
Глава 4. Сообщение	20
Глава 5. Незнакомец	22
Глава 6. Машина для убийств	28
Глава 7. Бостон	31
Глава 8. Свадьба	35
Глава 9. Не прощаемся	39
Глава 10. Час расплаты	41
Глава 11. Вот так встреча	43
Глава 12. На крючке	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

История вымышлена, все совпадения случайны

POV Илья

Я уже час сижу в кабинете у себя дома в полной темноте. Лунный свет, попадающий в окно, слегка освещает помещение, но я устроился в кресле в самом темном углу. Тихо пью виски и жду, когда она зайдёт.

Больше всего на свете я мечтаю, чтобы она не пришла. Потому что если она тут появится, то я, наверное, больше не смогу жить дальше. Это будет означать конец не только наших отношений, но и смысла моей жизни.

Она все-таки приходит. Появляется тихой кошкой, зажигает ночник и направляется к шкафам с документами. Она думает, что меня нет дома, но все равно действует абсолютно бесшумно. И где только она научилась этому?

Открывает дверцу и быстро перебирает своими тонкими изящными пальцами корешки папок. На ней легкий шелковый халатик, едва прикрывающий ягодички. А под ним наверняка красивейшее нижнее белье, подчеркивающее ее соблазнительную грудь и бедра. Темные блестящие волосы, в которые я так люблю запускать ладонь, разбросаны по спине. Она поднимается на носочки, чтобы посмотреть документы наверху, и я задерживаю взгляд на ее длинных красивых ногах.

Я безумно сильно люблю эту женщину.

И так же сильно ее ненавижу за весь тот ад, в который она превратила мою жизнь.

— Что-то ищешь?

Мой голос в этой гробовой тишине звучит, как гром среди ясного неба. Но он не застаёт ее врасплох. Она оборачивается ко мне со счастливой улыбкой, и на секунду мне кажется, что она искренняя. Но я уже знаю, что это не так.

— Илья! — Она радостно хлопает в ладоши, — Ты уже вернулся! А я не могла уснуть и решила поискать у тебя снотворное. Я помню, что ты хранил его в своём кабинете.

Она закрывает дверцу шкафа и идёт ко мне, продолжая улыбаться своей голливудской улыбкой. Я поднимаюсь с кресла, делаю еще один глоток виски и ставлю стакан на столик. В каждом ее шаге, в каждом движении рук, в каждом взмахе ресниц — такая грация, такой аристократизм. Только она может ходить так плавно и так соблазнительно.

Вот только я уже знаю, что это не природный талант, а отработанный приём.

Она подошла ко мне вплотную, заглянула в глаза, эротично облизнула губы и прошептала:

— Но раз ты уже дома, то снотворное мне ни к чему. Мы ведь не будем спать?

И не разрывая со мной зрительного контакта, она медленно расстегивает пуговицы на моей рубашке. Я смотрю в ее каре-зеленые глаза, в которых тонул еще совсем недавно, и вижу в них лишь пустоту. Ни одной эмоции, ни одного чувства.

Покончив с последней пуговицей, она медленно садится передо мной на колени, продолжая смотреть мне ровно в глаза. Боже, она даже на колени опускается, как профессиональная порноактриса.

Ключевое слово — «актриса».

Стеклянный взгляд, который был еще несколько секунд назад, сменяется взглядом покорной девочки, обещающей поднять своего мужчину на седьмое небо. Вот только теперь я знаю, что он не настоящий.

Как я мог не заметить всего этого раньше? Ослеп от любви и даже не вспомнил, что, когда она 11 лет сидела со мной за одной партой в школе, была самой обычной и ничем не примечательной девчонкой.

Ее шелковый халатик слегка распахнулся, и я вижу черный кружевной лифчик. Еще совсем недавно я бы тут же его с нее сорвал. Она тянется своими аккуратными пальцами к ремню на моих брюках, и я понимаю, что если не сделаю это сейчас, то не сделаю уже никогда.

Резким движением руки я крепко хватаю ее за волосы и поднимаю на ноги.

— АААААА, — кричит от боли.

Растерянность в ее глазах появляется лишь на секунду. Потом они снова становятся стеклянными. Бесчувственными.

— Илья, что ты делаешь!?

Я отпускаю ее волосы и хватаю ладонью шею. Веду ее к стене и сильно впечатываю, продолжая сдавливать горло. Она смотрит мне ровно в глаза и все еще делает вид, будто не понимает, что происходит.

А во мне сейчас борются две половины: одна хочет задушить эту девушку, а вторая хочет схватить ее за руку и сбежать на край света. Подальше от всего этого кошмара, который она устроила.

— Илья, ты меня задушишь, — хрипит мне.

Но в ее глазах нет страха. А я так хочу увидеть его, я так хочу поверить, что она способна испытывать хоть какие-то чувства.

Я усиливаю захват и, наверное, действительно могу ее задушить.

Наивный. Я по-прежнему слишком ее недооцениваю.

Девушка резко ударяет меня ногой в живот, я сгибаюсь, отпуская ее горло, она хватается мою руку, больно заламывает и еще раз бьет меня ногой под дых. Я не сопротивляюсь. Моя душевная боль сейчас намного сильнее этой физической. Ее удары настолько сильные и настолько слаженные, что я понимаю: она профессионально владеет боевыми искусствами.

Я лежу на полу, пытаюсь откашляться и отдышаться, когда она наклоняется ко мне и стальным голосом цедит:

— Еще раз сделаешь что-то подобное, и я убью тебя.

Я заглядываю в ее глаза и вижу, что она не шутит. Она действительно способна убить.

Она отходит от меня на шаг, я медленно поднимаюсь с пола и смотрю ей прямо в лицо. На ней больше нет маски влюбленной в меня девушки. На меня смотрит бесчувственный робот.

— Кто ты, Ксюша? — спрашиваю ее хриплым голосом.

Она продолжает прожигать меня пристальным взглядом, а я замечаю на ее красивой лебединой шее след от моей ладони. Она резко отворачивается и отходит к столику, на котором я оставил стакан с недопитым виски. Грациозно берет его в руки, снова поворачивается ко мне, делает глоток и смотрит мне прямо в глаза.

— Поверь, Ток, — обращается ко мне по моему школьному прозвищу, — ты не хочешь знать, кто я.

Я медленно качаю головой и повторяю свой вопрос.

— Кто ты, черт возьми? И зачем ты вернулась в мою жизнь, спустя столько лет?

Она начинает тихо смеяться.

— Смотри, Илья. Я ведь действительно тебе сейчас скажу. И тогда ты окажешься в еще большей опасности, чем сейчас.

— Мне плевать. Я хочу знать, кто ты.

— Даже если ты из-за этого умрешь?

— Да.

Я не вру. Я действительно готов умереть, лишь бы узнать о ней правду.

А еще я хочу умереть, потому что моя жизнь больше не имеет для меня никакого смысла. Я не хочу жить без этой девушки. А с ней больше не могу.

Она грациозно направляется ко мне, держа в руках стакан виски. Останавливается в шаге от меня, делает еще один небольшой глоток, смакует напиток и медленно проглатывает. Облизывает свои соблазнительные губы и начинает рассказ:

— Я испанка Кармен, которая отравила в Мадриде министра обороны страны. Я немка Эмма, которая убила местного чиновника, а потом инсценировала его самоубийство. Я американка Дженнифер, которая хладнокровно застрелила агента ЦРУ. — Она соблазнительно склоняет голову на бок и медленно продолжает. — Я воровка из Италии по имени Франческа, которая украла чертежи нового оружия. Я тупая блондинка Маша, которая разорила долларового миллиардера. Я стриптизерша Соня, которая довела до банкротства нефтяного магната. — Начинает тихо смеяться. — Видишь, какая я у тебя разносторонняя?

Я молчу, шокированный тем, что услышал. А она тем временем безмятежно допивает виски, делает последний шаг ко мне и смотрит прямо в глаза.

— Я рыжеволосая красotka Лера, на которую ты запал на Янкиной свадьбе. — Снова тихо смеется. — Не ожидал, Ток? Ты хочешь знать, кто я? Хорошо, ты узнаешь. — Секунду медлит и чеканит со сталью в голосе. — Я майор российской разведки и профессиональная шпионка.

Я смотрю на нее в упор, не имея сил произнести хоть слово. А она тем временем тянется ладонью к моему лицу и мягко проводит кончиками пальцев по щеке.

— А хочешь знать, кто 12 лет назад превратил меня в эту беспощадную машину?

Улыбка с ее лица сходит, а в глазах появляется боль. Она медленно встает на носочки, наклоняется к моему уху и тихо выдыхает:

— Ты.

Глава 1. Клиент

Я сижу в офисе и спокойно потягиваю кофе. Пару дней назад я покончила с очередным клиентом и теперь жду свое новое дело. Добродушный дедуля по имени Степан Сергеевич выложил мне всю нужную информацию уже на первой встрече.

Люблю обрабатывать пожилых дядек. С ними меньше проблем. Обычно они уже устали от жизни, жены, детей, внуков и хотят просто поговорить. И тут им под руку подворачиваюсь я: красивая, а, главное, умеющая слушать. Со старпёрами мне обычно хватает трех встреч, чтобы узнать все, что мне нужно. И самый большой плюс «раскрутки» папиков в том, что им не нужен секс. Член у них уже давно не стоит. Единственное, что они хотят — это просто поговорить.

Чего не скажешь о молодых клиентах. С ними всегда сложно, и ни одна девушка моей профессии не любит с ними связываться. Мало того, что они более бдительны, так их еще не так просто раскрутить на нужную информацию. Они подозрительны, а вокруг них и так полно красивых девушек, поэтому тебе нужно чем-то отличаться. И даже не просто отличаться: их нужно влюбить в себя. По-другому молодой и симпатичный никогда не подпустит тебя близко.

Для такой профессиональной обольстительницы, как я, влюбить в себя труда не составляет. Проблема заключается в другом: часто ты влюбляешься сама. И тогда можно ставить крест на всей своей дальнейшей жизни. Ты завязываешь с работой, выходишь за него замуж, у вас все хорошо, но вот только снаружи. Внутри тебя жрет совесть. Да, она есть даже у таких девушек, как я. Когда ты сначала обманываешь и подставляешь мужчину, а потом влюбляешься в него и строишь с ним жизнь, чувство вины жрет тебя ежедневно.

И тут есть два варианта: или ты живешь с этим дальше и медленно высушаешь, или ты рассказываешь ему о себе всю правду и просишь прощения. Как показывает опыт, мужчины таких девушек не прощают. И они не столько не прощают тот факт, что ты шпионила именно за ним, сколько то, что ты вела такой образ жизни всегда.

Я не люблю молодых и симпатичных клиентов. Но не потому, что могу в них влюбиться. Я уже давно не способна испытывать хоть какие-то человеческие чувства. Ну, разве что ненависть. Ее я вот уже 12 лет испытываю ежедневно к одному единственному человеку.

Я не люблю молодых и красивых, потому что с ними элементарно сложно. А всегда хочется сделать свою работу побыстрее и гулять свободно.

Вот и сейчас я сижу со своей коллегой Аней будто на иголках. Мы ждем нашего начальника — руководителя службы безопасности строительной компании «Росстрой» Петра Олеговича Терентьева. Полтора года назад «Росстрой» сильно облажался: организовал покушение на вице-президента конкурирующей компании. Из-за этого все предыдущее руководство пошло под суд, а компания была выставлена на торги.

Новым владельцам пришлось тяжело: из-за того скандала «Росстрой» утратил лидирующие позиции. И теперь руководству нужно быстро восстанавливать позиции. Они не придумали ничего лучше, чем взять на работу несколько шпионов, которые бы втирались в доверие ко всем, кому потребуется, и доставали нужную информацию. Полгода назад я ушла из разведки и искала работу. Новая мне подошла идеально: делать нужно то, что я и так делала больше 10 лет.

— У меня есть одно условоие, — сказала я Петру Олеговичу на собеседовании. — Я не убиваю людей.

Он расплылся в широкой улыбке.

— Ксюша, предыдущее руководство «Росстроя» ушло под суд из-за того, что они организовали покушение. Новому начальству это не нужно. Никакой мокрухи! Так, по мелочи: украсть какой-нибудь документик, раскрутить на честное признание, подсмотреть переписку...

- Это без проблем.
- Тогда по рукам?
- По рукам.

И вот уже полгода я работаю в «Росстрое». Пока все складывается, как никогда прекрасно. Мне достаются пожилые дедули, с которыми не возникает проблем. А вот одной моей напарнице — Юле — не повезло. Пару месяцев назад ей достался молодой клиент, в которого она влюбилась. Уволилась и живет теперь с ним. Вот только надолго ли?

Дверь открывается и в кабинет заходит Петр Олегович.

— Анечка, Ксюшенька, вот я и к вам, мои дорогие, — Терентьев тот еще старый прохвост и никогда не упускает случая позаигрывать с кем-нибудь из нас. — Вот только у меня для вас одна хорошая новость, а другая плохая, — он делает драматичную паузу. — Один клиент старый и дряхлый, а второй молодой и симпатичный. Кому какого?

И именно в этот самый момент по какой-то неизведанной причине у меня вздрагивает рука, и я проливаю горячий кофе себе на джинсы. Пока я отвлекаюсь на это недоразумение, Аня меня опережает:

- Чур мне старого!
- Сука! Сука! Сука!

— Ксюшенька, тебе достается молодой и симпатичный. Сочувствую. — Он кладет перед нами папки. — Изучайте пока досье на новых клиентов, а потом зайдите ко мне, я обсужу с каждой из вас, что именно требуется и в каком амплуа вы перед ними предстанете.

Анька тут же кинулась читать дело на свою новую жертву.

— Ксюх, прикинь, ему под 80. Пф, да я с ним за полчаса управлюсь. Даже не придется ни в кого перевоплощаться. Можно будет и собой остаться.

Я уничтожаю ее взглядом. Самая главная часть моей работы — это перевоплощение. Когда требуется серьезная обработка клиента, лучше не быть собой. Нужно полностью менять свою внешность и свою личность, чтобы после твоего исчезновения из его уже рухнувшей жизни, он всеми силами искал не тебя, а какую-нибудь Машу, Катю, Валю, которой на самом деле не существует. Потому что нет ничего хуже обиженного и обманутого мужчины. Если ты уничтожишь его жизнь, будучи собой, то он тебя потом из-под земли достанет, чтобы отомстить.

Но мне не привыкать к перевоплощению. В разведке запрещено идти на задание собой. Кем я только не была за 10 лет...

Я нехотя притягиваю к себе досье на мою новую жертву и открываю его. Когда мой взгляд падает на фотографию и имя моего клиента, сердце пропускает удар, а из-под ног уходит земля.

Это просто невероятная шутка судьбы...

На меня смотрит голубоглазый и светловолосый парень, которого я очень и очень хорошо знаю...

Это человек, который когда-то очень давно забрал у меня смысл моей жизни. Человек, который лишил меня последней надежды на счастливое будущее. Человек, который сподвиг меня стать той, кем я стала — беспощадной машиной для убийств.

Илья Токарев. Мой одноклассник. Моя первая любовь. И мой личный палач.

Я пытаюсь нормализовать дыхание. Анька, видимо, замечает мое смятение, потому что тянется посмотреть на мою новую жертву.

— Уууу, Ксюха, сочувствую. — Тянет она, рассматривая фотографию Ильи. — Сразу видно, что сложный экземпляр. А симпатичный-то какой! И умный еще! В Гарварде учился. Да, с таким сложно придется. — Она участливо хлопает меня по плечу. — Но я уверена, что ты справишься, Ксюх. Ты же из разведки к нам пришла. Это я обольстительница-самоучка, а ты профессиональная шпионка. Уверена, у тебя и не такие экземпляры бывали, когда ты на благо

Родины трудилась. Главное, все-таки не влюбись. — Она берет со стола досье своего клиента. — Ладно, я к Олегычу.

Аня плотно закрывает за собой дверь, а я так и остаюсь сидеть, жадно впившись в фотографию Ильи. Нет, я не влюблюсь в него. Больше не влюблюсь. Моя ненависть к этому человеку за сломанную жизнь не пройдет никогда.

Сколько раз я мечтала ему отомстить? Сколько раз я мечтала пустить ему пулю в лоб? И один раз я даже почти это сделала... Но в последний момент все-таки сдержалась. Я 12 лет подавляла в себе желание сломать его жизнь так же, как он сломал мою.

Но теперь судьба сама преподнесла мне этот подарок.

Я встаю со стула, наливаю себе еще кофе, возвращаюсь на место, смотрю на поднимающийся над кружкой пар и невольно вспоминаю свою жизнь...

Глава 2. Наследство

Я всегда чувствовала, что моя семья очень странная и не такая, как все. С виду все вроде бы обычно: папа инженер на предприятии, мама на том же предприятии экономист. Я единственная дочка, а живем мы в обычной трешке в спальном районе Москвы. Я учусь в обыкновенной общеобразовательной школе, что поближе к дому, и хожу после уроков на кружки. А раз в год летом мы с родителями ездим на море: в Анапу или в Сочи.

Таких семей в России миллионы. Но все же я всегда чувствовала, что моя семья не обычная.

Например, у меня никогда не было бабушек, дедушек, дядь, тетей, двоюродных или троюродных братьев и сестер. Абсолютно полное отсутствие каких-либо родственников. Боле того — у родителей никогда не было друзей. Мы не ходили ни к кому в гости, и к нам тоже никто не приходил. Мама не разговаривала вечерами по телефону с подружками, а папа не ездил с друзьями на рыбалку. Единственное общение родителей с посторонними — это мои учителя в школе и несколько соседей по подъезду, с которыми мама могла обсудить, например, график отключения горячей воды летом или чистку крыши дома от снега зимой.

Друзей не разрешалось иметь и мне. Мои дни рождения отмечались только в кругу семьи, мне не позволялось приглашать одноклассников. Сама я тоже ни к кому не ходила. Меня не отпускали играть во двор, мне не разрешали кататься на велосипеде с другими детьми. После кружков, что были у меня два раза в неделю, я приходила домой и делала уроки. После них смотрела мультики по телевизору или читала книги.

Наверное, я могла бы обманывать своих родителей, но никогда не делала этого. Я всегда была прилежной и послушной дочерью: сказано ни с кем не дружить — я ни с кем и не дружу.

Тем больше мне всегда было в школе. Мой класс оказался очень и очень дружным. Все 23 человека были одной бандой. И ребята все время придумывали какие-то активности после уроков, на которые я ходить не могла. В какой-то момент меня уже просто перестали на них звать. Общались со мной только на переменах между уроками.

Главным заводилой у нас был Илья Токарев, которого все называли просто Ток. Светловолосый голубоглазый парень, с которым я с первого класса сидела за одной партой. Тогда же в первом классе я в него и влюбилась. Когда мы были в классе четвертом или пятом, отец Ильи резко разбогател, и Ток сразу стал ходить в школу с самым крутым телефоном и в джинсах модной марки. А потом его стал привозить личный водитель.

Удивительно, но Ток не поменял школу, а остался учиться в нашей обычной. И его младшая сестра тоже потом пошла в нашу школу. Правда, родители наняли Илье очень крутых репетиторов, которые подготовили его к поступлению в Гарвард. Наша школа не давала достаточно знаний для Гарварда.

Моя любовь к Илье, естественно, была невзаимной. Еще бы! Кто он, а кто я. Главный модник школы и серая мышка, которую никуда не пускают родители. Но Илье было удобно сидеть со мной за одной партой. У нас с ним было что-то наподобие партнерства: я за него решаю его вариант на контрольной по истории, а он за меня решает мой вариант на контрольной по геометрии. У него всегда было с точными науками лучше, чем у меня. Домашку мы с Током тоже делили. Например, я делала химию, а он физику. А перед уроком мы друг у друга списывали.

Но несмотря на то, что Илья был самым модным и самым крутым, у него была несчастная любовь — Яна Селезнева, наша одноклассница и главная красотка параллели. Я еще в классе седьмом заметила, что Ток по ней вздыхает. В 10 классе он стал упорно ее добиваться. Задабривал ее дорогими подарками, цветами, конфетами. И в какой-то момент она ему поддалась. Илья и Яна начали встречаться. Вот только не долго.

На Янкином горизонте возник Сашка Федоров из параллельного класса. Яна сама по себе девушка не плохая и не меркантильная с легкостью променяла мажора Илью на обычного, но более симпатичного, Сашу. А Ток так и остался страдать по Янке до конца школы.

Был конец мая, мы уже заканчивали 11 класс, я, как обычно, жила своей серой и ничем не примечательной жизнью и готовилась к поступлению в лингвистический университет, как вдруг погибли мои родители. Они оба уехали в очередную командировку, которых у них было очень много, и там случайно попали в аварию на такси, которое везло их из аэропорта. Произошло лобовое столкновение из-за того, что водитель другой машины был пьян, не справился с управлением и выехал на встречную полосу. Папы, мамы, таксиста и того пьяного водителя не стало на месте.

Стоит ли говорить, что моя жизнь в тот момент была кончена? Я осталась совершенно-совершенно одна...

Ни друзей, ни родственников, НИ-КО-ГО.

Но при этом кто-то все же организовал похороны, на которых была только я и несколько знакомых родителей с работы. Папу и маму кремировали, а их тела я так и не смогла увидеть.

Мне должно было исполниться 18 лет через месяц, поэтому органы опеки не проявили ко мне совершенно никакого интереса. После похорон я все-таки нашла в себе силы сдать ЕГЭ. Сама не знаю, зачем я это сделала, почему сразу не перерезала себе вены или не выпрыгнула в окно.

Я не пошла ни на последний звонок, ни на школьный выпускной. Целыми днями я лежала в зале на диване и просто смотрела в потолок. У меня не было ни идеи, как жить дальше...

В тумбочке возле родительской кровати я нашла 30 тысяч рублей. Это были последние деньги. Больше мне было взять неоткуда и не у кого. И что мне делать, когда закончатся эти деньги? Куда мне идти работать? Официанткой? Уборщицей? Продавщицей в магазин? Я только окончила школу и ничего не умею.

В мой день рождения в конце июня я, как обычно, лежала живым трупом в гостиной, как вдруг раздался звонок на домашний телефон. Я решила не отвечать. Наверняка кто-то ошибся номером. Мне никто не может звонить, родителям тоже.

Но телефон звонил целый день. В итоге под вечер я все же заставила себя снять трубку.

— Алло, — говорю бесцветным голосом.

— Здравствуйте. Это Малахова Ксения Андреевна? — начал на том конце провода бодрый женский голос.

— Да.

— Вы дочь Малахова Андрея Константиновича и Малаховой Натальи Николаевны?

— Да.

— Вам сегодня исполнилось 18 лет?

— Да.

— Поздравляю. Теперь вы можете получить наследство, которое вам оставили ваши родители.

— Какое еще наследство? — Удивление в этот момент стало первой эмоцией, которую я испытала после смерти отца и матери.

— Счет в нашем банке. Приходите в отделение, мы вам все расскажем. Не забудьте взять с собой паспорт и свидетельство о смерти ваших родителей. Запишите адрес банковского отделения.

Я пришла к ним на следующий день утром. Родители оставили мне какое-то наследство? Счет в банке? Да мы же жили от зарплаты до зарплаты! Еле-еле удавалось за год накопить на 10 дней на Черном море в дешевеньком домике с хозяйкой. Я ходила в школу в одних и тех же джинсах, у меня даже мобильного телефона до 9 класса не было. А потом мне купили старую кнопочную «Нокию» в то время, как все уже ходили с айфонами.

Компьютер у меня тоже был очень старый с большим монитором. Интернет родители подключали, только когда сами были дома, чтобы четко контролировать, что я смотрю на компьютере. Мне, естественно, не разрешалось иметь страниц в соцсетях. Я могла пользоваться компьютером только в учебных целях.

И вот я сижу в банке перед сотрудником отделения и в десятый раз пересчитываю количество нулей у цифры, которая является моим наследством.

Родители завещали мне 50 миллионов рублей.

— Это точно не ошибка? — Уже который раз я переспрашиваю у банковского сотрудника. — Точно 50 миллионов рублей, а не 50 тысяч?

— Точно, девушка. Ваши родители были VIP-клиентами.

— Может, все-таки это ошибка? У моих родителей не могло быть столько денег... Папа был инженером, а мама экономистом...

— Девушка, ваши родители на протяжении многих лет были нашими клиентами. Они открыли этот счет очень давно и постоянно его пополняли. Несколько лет назад они распорядились, чтобы вы получили эти деньги сразу, как только вам исполнится 18 лет, но не ранее их смерти. Иными словами, это процедура, которая помогает избежать оформления наследства через полгода после смерти. И так как два главных условия соблюдены — ваши родители мертвы, а вам есть 18 лет — мы переоформляем счет на ваше имя.

— И что мне с ним делать...?

— Что захотите. Можете копить дальше, можете сразу забрать деньги, можете снимать их по частям. Как хотите, так и распоряжайтесь.

Подписав все нужные бумаги, я в полном недоумении вышла из банка и поплелась домой. В голове был целый поток бессвязных мыслей.

Откуда у моих родителей столько денег? Если мы такие богатые, то почему жили так просто? Почему мне никогда не покупали одежду, которую я хотела? Почему мне не покупали айфон последней модели? Почему мы никогда не ездили за границу? Почему у нас не было дачи?

Когда я пришла домой и легла на диван в зале, в груди уже ярким пламенем полыхала злость на родителей.

Какого хрена они все это устроили? Какого хрена они запрещали мне иметь друзей? Какого хрена мне никуда нельзя было ходить? Какого хрена я была серой мышью, когда могла бы одеваться не хуже Токарева?

Илья Токарев... Моя любовь, которая упорно не замечала во мне девушку. Да никто не замечал во мне девушку. Ведь я все годы проходила в одних синих джинсах и одном сером свитере. Ни косметики, ни прически, ни маникюра. Все это было под запретом.

А сегодня наш выпускной, на который я наверняка не пошла бы, даже если бы родители были живы. Уверена, что мама притянула бы меня к себе и со слезами сказала, что у нас нет денег на платье и туфли. И уж тем более нет денег на ресторан. Поэтому, доченька, на следующий день после выпускного мы просто сходим с тобой вместе в школу за аттестатом.

А оказалось, что они были миллионерами.

На следующий день я иду в банк и снимаю со счета миллион рублей наличными. С этими деньгами я отправляюсь в крутой торговый центр и покупаю себе все, что мне нравится. Мне приходится сделать домой не менее пяти рейсов на такси, полностью забитом покупками. Я купила себе, наверное, сотню платьев, юбок, кофт, туфель, босоножек. А еще я купила себе последний айфон и много-много дорогой косметики. На следующий день после шопинга я иду в салон красоты и делаю себе маникюр, педикюр и модную стрижку.

Не знаю, зачем мне все это. Мне некуда носить эти красивые платья, мне не для кого делать макияж. Мне элементарно некуда пойти. Поэтому я продолжаю целыми днями лежать на диване в гостиной, глядя в потолок и глотая слезы.

И несмотря ни на что, я безумно сильно люблю своих родителей и мне безумно сильно их не хватает. Я бы все отдала за то, чтобы мама меня сейчас обняла, а папа потрепал за щечку. Я бы с радостью отдала все эти 50 миллионов и вернулась бы к своей прежней убогой жизни, только бы папа и мама сейчас сустились на кухне, готовя ужин, а я бы сидела в своей комнате и делала для нас с Ильей химию.

Вузы начали принимать документы от абитуриентов, поэтому я вынуждена идти в школу за аттестатом. Я не надеваю свою новую одежду. Я залезаю в старые потертые джинсы, которым уже года три, и в синюю футболку. На ноги обуваю старые грязные кеды. Я не делаю макияж, я не укладываю волосы. Достаточно и того, что стрижка и так модная, а на ногтях держится красный лак.

Я захожу к нашей классной руководительнице, забираю у нее аттестат, обнимаю ее на прощание и иду на выход из школы, как случайно сталкиваюсь с Ильей.

Глава 3. Вечеринка

— О, Ксюха! А почему тебя не было на выпускном? — Искренне удивляется он, как будто не знает, что я никогда никуда не хожу, а теперь у меня еще и погибли родители.

— Не было настроения. — Бурчу ему и хочу поскорее уйти. Сердце в его присутствии уже, как обычно, начало колотиться, а щеки стал заливать румянец. Но Илья задерживает меня за руку.

— Ксюш, у меня тут по случаю моего отъезда в Гарвард вечеринка будет. Приходи.

Я смотрю на него во все глаза. Он издевается? На фига приглашает меня, если знает, что я никуда не хожу?

— Не думаю, что смогу. Счастливого пути. — И снова порываюсь уйти, но Ток продолжает меня крепко держать.

— Ксюх, ну может, хватит, а?

— Что хватит?

— Шарахаться от нас всех. Почему ты никогда не приезжала ко мне в гости, когда я всех приглашал?

— А надо было?

Он слегка замялся.

— Ну, я был бы рад, если бы ты хоть раз приехала...

Я замерла. Илья сказал, что был бы рад, если бы я хоть раз приехала к нему домой со всем классом? Он, оказывается, замечал мое отсутствие? Ток тем временем продолжает держать меня за предплечье. Видимо, он сам это замечает, потому что опускает глаза на мою руку.

— О, а у тебя красивый маникюр!

Я теперь не просто замерла, а приросла к земле. Илья только что сделал мне комплимент? Я не ослышалась?

Потом Ток поднял на меня лицо.

— Ты подстриглась? Тебе идет.

Я уже стою и не дышу. Илья, оказывается, всегда замечал, что я не прихожу на тусовки, он обратил внимание на мой маникюр и на мою новую стрижку...

А вдруг я могла бы ему нравиться, если бы всегда красиво одевалась и ходила тусоваться со всем классом...?

Я нервно прочищаю горло.

— Когда там твоя вечеринка? И где?

Ток расплывается в широкой улыбке.

— Другое дело, Ксюха! В следующую субботу в 18:00 у меня дома. Запиши сейчас мой адрес.

Он продиктовал мне улицу и номер дома и взял с меня твердое обещание, что я приду.

И я, конечно же, приду! Ооо, я ТАК приду, что весь класс охренеет!

В назначенный день я сразу с утра иду в салон красоты. Сначала я провожу несколько часов у косметолога, потом у парикмахера и в конце у визажиста. Мне делают идеальную прическу и идеальный макияж, а моя кожа чистая и мягкая, как у младенца.

Из салона я возвращаюсь домой, надеваю дорожное сексуальное платье с вырезом и в обтяжку. Оно цвета мокрого асфальта. Помню, как один раз Илья говорил, что ему нравится такой цвет. Мол, он похож на рокерский. На ноги я обуваю босоножки на шпильках.

Я смотрю на себя в зеркало и сама не верю своим глазам. За этими балахонами, которые я всегда носила, я даже не заметила, что у меня, оказывается, есть фигура, попа и грудь. А сейчас на меня так вообще смотрит секс-бомба.

Черт возьми, да они же меня не узнают даже в таком наряде!

Тем лучше. Мне нужно, чтобы меня узнал только Илья. А на остальных мне по фиг.

Илья живет в Подмоскowie, в поселке для олигархов под названием «Вешенки». Я хоть никогда на вечеринках не была, но по американским фильмам знаю, что приходить на них вовремя не принято. Поэтому в 18:00 я только сажусь в такси. До Ильи мне ехать час-полтора. Нормально. Как раз все уже будут пьяные, и никому не будет до меня дела.

В 19:15 я захожу в дом Ильи. Это большой трехэтажный коттедж, из которого музыка орет на всю улицу. В огромной гостиной уже порядком накурено, а гости — не только наши одноклассники, но и многие незнакомые мне — прилично пьяные. Отлично. Это то, что мне нужно.

Я встаю в углу гостиной и ищу глазами Илью. Через несколько минут нахожу. Он стоит возле Янки и смотрит на нее щенячьими глазами. Берет за руку, что-то говорит, а она только смеется и отмахивается от него. Селезнева одета в красивое красное платье и тоже на каблуках. Потом она целует Илью в щеку, пару раз хлопает его по плечу и уходит к своим подругам. Токарев провожает ее тоскливым взглядом и, клянусь, вид у него такой, будто он сейчас пойдет повесится.

Илья направляется к стойке с алкоголем, наливает себе виски и медленно потягивает, смотря в одну точку на полу. Я набираюсь смелости и направляюсь к нему.

— Привет, Илья! — Говорю с улыбкой.

Он поднимает на меня глаза и застывает. Сначала внимательно приглядывается к моему лицу, будто пытается узнать, а когда все-таки узнает, отшатывается назад и начинает кашлять. Кажется, я подошла к нему в тот самый момент, когда он набрал в рот виски, и сейчас он им подавился.

Токарев заходится сильным кашлем, а я спешу постучать его по спине. Когда Илья наконец откашлялся, выпрямился и смог дышать, он снова на меня уставился.

— Ксюха, ты что ли?

— Я...

И снова смотрит и молчит. Кажется, пауза затягивается. Я уже несколько раз пожалела, что так оделась.

— Ты охрененно выглядишь, — все-таки говорит через какое-то время неловкой паузы.

— Спасибо...

И снова замолчали. Просто стоим и смотрит друг на друга. Илья так меня разглядывает, будто увидел приведение.

— Можно мне вина? — Теперь уже я решаю прервать неловкую паузу.

— Да, да, конечно. Извини, что сразу не предложил. — Он наконец-то оторвался от меня и повернулся к столику с алкоголем. Налил мне вина в чистый бокал и передал его в руки.

Признаться честно, я никогда не пила алкоголь. В нашем доме его просто не было, а за пределами квартиры мне его попробовать было негде. Я же никуда не ходила и ни с кем не дружила. И вот сейчас я держу бокал с красным алкогольным напитком и даже не знаю, что с ним делать и как его пить. Наверное, просто отхлебнуть и проглотить? Как в фильмах.

Я делаю небольшой глоток, и рот тут же обжигает. Мне не нравится этот вкус, и я бы с радостью выплюнула напиток обратно в бокал, но Илья продолжает на меня пристально смотреть. Быстро глотаю, стараясь не дышать, и спешу улыбнуться Илье, пока лицо не передернуло от этого ужасного вкуса.

— Спасибо за приглашение, Ток, — говорю ему.

— Спасибо, что пришла... — и он снова осматривает меня снизу вверх и обратно.

В этот момент к нему подходит какой-то неизвестный мне парень и что-то шепчет на ухо.

— Ага, пойдем, — отвечает ему Илья. Он бросает на меня последний задумчивый взгляд и со словами «Веселись, Ксюха» удаляется вместе с парнем.

А так и осталась стоять с бокалом в руке. Желудок тем временем уже обожгло, а в ногах послабело. Я отставила бокал в сторону и пошла к диванчикам. Села на свободное место и стала глазеть вокруг.

Все были разбиты на группы. Своих одноклассников я тут же выцепила. Уже порядком пьяные они играли в «Правду или действие». Так же было много незнакомых мне людей. Минут через 10 на свободное место рядом со мной опустилась девушка. Я повернула к ней голову, и мы встретились взглядами. У нее большие синие глаза и шоколадные волосы до локтя. Я улыбнулась ей уголками губ, она мне тоже.

— Ксюша, — говорю ей и протягиваю руку.

— Кристина, — отвечает мне и жмет мою ладонь. Ее рука неприятно холодная. Как и глаза.

— Откуда знаешь Илью? — Решаю спросить у нее, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Мой папа и папа Ильи конкуренты, но давно знают друг друга и общаются. И я Илью знаю с детства. А ты?

— Я одноклассница Ильи.

— То есть, тоже 11 класс окончила? Куда поступаешь?

— В Московский государственный лингвистический университет имени Мориса Тореза, на переводчика. А ты?

— А я только 10 класс окончила. Но хочу в Гарвард, как Илья. Собственно, только ради этого и пришла. Хотела расспросить его подробно про поступление, но мне все никак не удавалось его поймать. А сейчас он уже пьяный, — и она с грустью улыбнулась. В ее глазах читалось «зря только пришла».

Кристина повертела головой по сторонам, и ее лицо окончательно скисло.

— Ладно, поеду домой, — сказала она. — С Ильей уже поговорить не удастся. Приятно было познакомиться, Ксюша.

— Взаимно.

Девушка встала с дивана и через пару секунд уже скрылась за дверью. А я так и осталась сидеть одна на диване. Токарев снова крутился возле Селезневой, а она, как обычно, отмахивалась от него.

Я просидела на этом диване больше трех часов. Из моих одноклассников меня так никто и не узнал, а посторонние люди ко мне знакомиться не подходили. Сама не понимаю, зачем все еще тут нахожусь. Токарев продолжает нарезать круги вокруг Яны, и на меня даже не смотрит. В какой-то момент в накуренной гостиной мне стало слишком душно, и я пошла на улицу подышать.

Я первый раз в таком роскошном доме. Двор отделан красивой плиткой, а посередине стоит фонтан. Я смотрю на него какое-то время и решаю пойти посомтреть, что за домом. Знаю, что это неприлично, и меня никто не приглашал, но мне скучно.

А за домом оказывается большой и красивый сад. Зеленые газоны аккуратно подстрижены, на фруктовых деревьях уже висят сливы и яблоки, между деревьями кусты красивых цветов. Я углубляюсь в сад по небольшой тропинке из каменной плитки и зависаю, смотря на темно-синее небо. Снова в голову полезли мысли о родителях.

Почему они никогда меня никуда не пускали? Почему они скрывали, что мы такие богатые? Как они заработали столько денег?

— А я думал, ты ушла, — голос Ильи прозвучал настолько неожиданно, что я вскрикнула от страха. — Извини, что напугал.

Он стоит в метрах пяти от меня в уже явно нетрезвом виде. Рубашка на несколько пуговиц расстегнута, рукава закатаны. Я первый раз вижу Тока выпившим.

— Ничего страшного. Я уже собираюсь уезжать, просто засмотрелась на красивые цветы. Извини, я не должна была ходить в сад, ты не давал разрешения.

Илья махнул рукой.

— Да забей, смотри тут, что хочешь.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и я понимаю, что снова возникла неловкая пауза. Ток склоняет голову на бок, прищуривает глаза и со смешком в голосе спрашивает:

— Ты ведь для меня так оделась?

По крови резко разлился адреналин, и я тут же почувствовала себя воровкой, которую поймали с поличным на месте преступления.

— Нет... с чего ты взял... — Мямлю ему, а сама думаю, как бы поскорее сбежать от этого позора.

Ток засмеялся.

— Да ладно тебе, Ксюх, думаешь, я не знаю, что ты всегда была в меня влюблена? Думаешь, я никогда не замечал, как ты украдкой смотришь на меня на уроках вместо того, чтобы смотреть на доску?

Я скрещиваю на груди руки и делаю, как можно более невозмутимое лицо.

— Илья, тебе показалось. Ладно, я уже пойду. Спасибо за приглашение.

И я уверенным шагом направляюсь на выход из сада, но Ток преграждает мне путь. Он не просто становится в упор ко мне, но еще и кладет мне руки на талию, отчего она тут же начинает гореть.

— Илья, пропусти, пожалуйста. Уже поздно, мне пора домой.

Он смотрит дерзко, с вызовом.

— А если я сделаю так? — Тихо спрашивает и аккуратно склоняется к моему лицу. Секунду смотрит ровно в глаза и мягко целует меня в губы.

Мое сердце, кажется, сейчас выпрыгнет из груди. Я стою в упор к Токареву и не имею сил даже пошевелиться. Все тело будто парализовало.

— И если я еще сделаю вот так? — Продолжает таким же тихим голосом и снова меня целует, но уже более настойчиво. — А если вот так?

И после этого он накрывает меня настоящим поцелуем. А я стою, как истукан, и не знаю, что нужно делать. Я же никогда ни с кем не целовалась. Но когда Илья настойчиво засовывает мне в рот свой язык, я все же начинаю ему как-то отвечать. Должно быть, ужасно, но он не отстраняется. Я пытаюсь вспомнить поцелуи в фильмах, но ничего не получается.

Потому что в мозгу пульсирует одна единственная мысль:

МЕНЯ ЦЕЛУЕТ ИЛЬЯ ТОКАРЕВ!!!!!!!!!!

Не знаю, в какой момент я обвиваю его шею руками и крепче к нему прижимаюсь. Не знаю, в какой момент он, не разрывая поцелуя, ведет меня куда-то вглубь сада и впечатывает в крепкое дерево. Не знаю, в какой момент он засовывает мне под платье руку и направляется к трусикам. Не знаю, в какой момент он их с меня снимает, а затем расстегивает и спускает свои джинсы.

Я прихожу в себя, только когда Илья в меня входит, и все мое тело пронзает просто дикая, сумасшедшая боль.

— Ааааай, — кричу и пытаюсь оттолкнуть его от себя.

— Ты девственница что ли? — Удивленно спрашивает меня и на секунду останавливается.

— Да... — Скулю ему от боли.

— Я не знал... Ну, впрочем, ладно.

И он не дает мне больше говорить. Снова начинает настойчиво меня целовать и двигаться. Правда, все-таки уже не так быстро, как до этого. Я отвечаю на его поцелуй, от более медленных движений боль уже не такая острая, а в какой-то момент даже становится чуть-чуть приятно.

Илья отрывается от моих губ и целует шею, ключицы, спускает лямки платья и лифчика, оголяя грудь. А я не сопротивляюсь. Я позволяю ему все это делать. Ведь это Илья Токарев. Ведь это парень, по которому я сохну с первого класса. Ведь это парень, о котором я даже не смела мечтать.

Я ему нравлюсь? Ведь если он все это сейчас делает — это ведь означает, что я ему тоже небезразлична? Люди ведь не целуют тех, кто им не нравится?

Илья ускоряет движения, а потом резко замирает, шумно выдыхая и наваливаясь на меня всем телом. Я стою не двигаюсь и чувствую, как по обратной стороне моего бедра стекает что-то тёплое.

Ток уткнулся в мою шею и тяжело задышал.

— Блин, Ксюх, прости... Я сорвался. — Тихо говорит.

— Ничего, все в порядке.

— Точно?

— Да, точно. Не переживай.

— Я тогда пойду...?

— Ага.. Иди...

Он натягивает на себя джинсы и, не глядя на меня, быстро уходит. А я так и остаюсь стоять полураздетая, привалившись к дереву.

Глава 4. Сообщение

Я прихожу в себя, только когда слышу громкий смех где-то неподалёку. Поспешно натягиваю лифчик с платьем и быстро ухожу. Трусы с меня упали, и искать их сейчас мне хочется меньше всего. Я выбегаю за ворота дома, быстро вызываю такси через мобильное приложение и через 10 минут уезжаю домой.

В голове миллион сумбурных мыслей.

Я нравлюсь Илье? Это что-то значило? Мы теперь встречаемся? Если да, то как мы будем встречаться, если он уезжает в Гарвард? У нас буду отношения на расстоянии?

Когда я приезжаю домой, то первым делом набираю себе горячую ванну. Нужно прийти в себя. Лавандовая пена успокаивает, мысли из головы улетучиваются и, выйдя из воды, я тут же падаю на кровать и крепко засыпаю.

Илья мне не звонит ни на следующий день, ни через день. Он не знает номер моего мобильного, но знает мой домашний телефон. Неоднократно звонил на него, чтобы я продиктовала ему решение домашки. А я целыми днями сижу дома и боюсь уйти из квартиры. Вдруг Илья позвонит, когда меня не будет? При этом сама ему набирать я боюсь. Я ведь девушка! Я не должна делать это первой!

Илья мне так и не позвонил.

Прошел месяц, я поступила в университет на специальность переводчика-лингвиста и уже смирилась со своей еще более никчемной и убогой жизнью, чем она была до этого, как вдруг я стала замечать, что по утрам меня тошнит и кружится голова, от некоторой еды сразу появляются рвотные рефлексy. А потом у меня не пошли месячные...

На ватных ногах я дошла до аптеки и купила два теста на беременность разных марок. Оба показали две полоски. И вот я тупо сижу в туалете на крышке унитаза и пялюсь на эти тесты.

Я беременна. От Ильи Токарева.

Ужас, который я испытывала первые минут 15, постепенно сменился чувством тихого счастья.

У меня будет ребенок... Я стану мамой...

И плевать, что мне всего лишь 18 лет. У меня полно денег. Да и Илья из очень богатой семьи. Мы и наш ребенок точно не пропадём. Вот только Илья в Америке, но это ничего страшного. Я буду его ждать. А он будет приезжать на каникулы.

Надо сказать об этом Илье! Он должен знать, что у нас будет ребёнок!

Я подсказываю с унитаза и несусь к телефону. По памяти набираю домашний номер Ильи.

— Дом Токаревых, слушаю, — говорит мне после третьего гудка незнакомый женский голос.

— Здравствуйте. Меня зовут Ксюша, я одноклассница Ильи. Можете, пожалуйста, дать мне его американский номер телефона?

— Я не имею права раскрывать посторонним номера хозяев.

— Я не посторонняя, я одноклассница Ильи. Мы с ним за одной партой сидели!

— Девушка, если бы вы не были посторонней, вы бы знали телефон Ильи Ильича. Извините, ничем не могу вам помочь.

— Хорошо, можете тогда передать трубку его родителям? Или его сестре?

— Хозяева отсутствуют дома.

— А когда они будут?

— Я не могу раскрыть эту информацию.

Я уже начала терять терпение.

— Но если я позвоню вечером, они уже будут дома?

— Я не могу раскрыть эту информацию. Извините, до свидания.
И она положила трубку.

Я стала судорожно соображать. Как же мне связаться с Ильей? Самый простой способ — это спросить его номер у кого-нибудь из одноклассников, но у меня нет ничьих телефонов. Я ведь ни с кем не дружила. Поискать его в соцсетях? У меня их нет...

Значит, самое время зарегистрироваться. Включаю компьютер, подключаю интернет и регистрируюсь во ВК. Они же вроде там все сидят? Через пару часов я нахожу страницу Ильи и пишу ему сообщение.

«Привет! Это Ксюша Малахова. Нам нужно срочно поговорить. Позвони мне или дай свой номер, чтобы позвонила я».

На следующий день Ток прочитывает мое сообщение, но не отвечает. Я пишу ему снова: *«Илья, это срочно!».*

Снова читает и снова тишина. Через день я предпринимаю еще одну попытку, *«Ток, позвони мне, а?».*

Он не открывает мое сообщение несколько дней, хотя на страницу заходит. А я тем временем уже настолько сильно полюбила своего еще неродившегося малыша, что думаю о нем целыми днями.

У меня будет ребенок. У меня будет нормальная жизнь, а не эта убогая серость, в которой я провела 18 лет. И я никогда не буду растить своего малыша так, как меня растили мои родители. У моего ребёнка будут друзья, будет красивая одежда, он будет ездить за границу. У меня полно для этого денег. И у Ильи тоже.

В ожидании ответа от Токарева я лежу все на том же диване в гостиной и обнимаю свой живот. Закрываю глаза и представляю своего малыша. Я бы хотела дочку. Сына я, конечно, буду любить не меньше, но вот почему-то хочется дочку. Чтобы у нее были такие же светло-голубые глаза, как у Ильи. А не мои каре-зеленые, болотные. Они мне никогда не нравились. И хочу, чтобы у нее были такие же светлые волосы, как у Тока. Вообще хочу, чтобы она была похожа на него! Была такая же жизнерадостная, веселая, с чувством юмора. Не то что я — серая мышь.

Я уже представила себе идеальную жизнь с ребенком и Ильей. Я уже мысленно вылезла из этой ямы, в которой всегда жила. Я уже почувствовала себя снова счастливой, как когда еще были живы родители.

Как вдруг мне пришло сообщение от Тока.

Когда колонка компьютера издала звук входящего сообщения во ВК, я, кажется, подпрыгнула на диване. Тут же подлетела к монитору и открыла сообщение.

«Блин, Малахова. Ты совсем тупая что ли? Тебе непонятно, что если парень не звонит, значит, он не хочет звонить? Все, что произошло в саду, было самой чудовищной ошибкой в моей жизни. Я как вспомню, так меня передергивает. Я не знаю, что ты там себе напридумывала, но все твои придумки — это твои проблемы, а не мои. И не надо мне тут писать и звонить мне домой. Мне передала домработница, что ты требовала от нее мой американский номер. Короче, отвали от меня. Ты не Яна Селезнёва и никогда ею не будешь, как бы ты ни распиналась и какие бы модные шмотки ты на себя не нацепила».

Я перечитала это сообщение несколько раз и все никак не могла поверить своим глазам. Сердце бешено заколотилось, а в глазах потемнело. Дрожащими пальцами я напечатала ему два слова:

«Я беременна»

А в ответ мне пришла отбивка:

«Пользователь добавил вас в черный список»

Глава 5. Незнакомец

Сердце заколотилось еще сильнее, в глазах потемнело, а в ушах появился звон. Опираясь на компьютерный стол, я поднялась со стула, попыталась сделать шаг в сторону дивана, но рухнула на пол. Последнее, что я помнила, перед тем, как провалиться в тьму — это резкую боль внизу живота.

Я не знаю, сколько я провалялась без сознания. Когда очнулась, я почувствовала в районе бедер холодную влагу. С трудом оторвав голову от пола, я увидела, что весь мой низ живота и бедра в крови. И, кажется, она продолжает идти. На четвереньках я доползла до телефона и позвонила в скорую.

— У меня кровотечение. Я беременна.

— Срочно диктуйте адрес!

Я назвала улицу, номер дома, подъезд и этаж и снова опустилась на пол. В глазах опять потемнело, в ушах зашумело. Кажется, я снова стала терять сознание. Меня привел в чувство настойчивый звонок в дверь. Он все звенел и звенел, а у меня не было никаких сил встать с пола. Поэтому я просто стала ползти в прихожую. Цепляясь за стену и ручку двери, я все же открыла дверь и упала в руки к медработникам.

— Мать Божья! — Только и услышала я от пожилой женщины в белом халате.

Когда я открыла глаза в следующий раз, я лежала на белой постели. Повертела головой по сторонам и увидела слева и справа от меня на таких же койках женщин.

— Это больница? — Спросила я сиплым голосом.

— Да, гинекологическое отделение. — Ответила мне одна из соседок и улыбнулась уголками губ.

Я попыталась встать на кровати, но не тут-то было.

— Давай позову медсестру? — предложила все та же девушка.

— Да, давай.

Она встала со своей койки и вышла за дверь. Через несколько минут она вернулась с женщиной в белом халате.

— Как себя чувствуете? — Спросила медсестра.

— В целом нормально, только слабость чувствуется.

— Так и должно быть. Пару дней полежите и вас выпишут.

— Как мой ребенок?

Женщина поджала губы.

— Это вам все лечащий врач скажет.

Через два дня, когда меня выписывают, я сижу на стуле в кабинете лечащего врача и жду, когда она оторвется от компьютера и обратит свое внимание на меня.

— Прости, деточка, — наконец, поворачивается ко мне. — Я изучила твои снимки и результаты УЗИ.

— И что там? — С дрожью в голосе спрашиваю.

— Ну, как ты понимаешь, плод спасти не удалось. Кровотечение было слишком сильным. До меня не сразу дошли ее слова.

— В смысле плод спасти не удалось?

— У тебя случился выкидыш.

Эти слова вонзились в меня словно пуля в сердце. Врач, видимо, поняла по моему лицу, насколько мне сейчас плохо, поэтому тут же поспешила взять меня за руку.

— Но это еще не все, — тихо сказала она. — Ты больше не сможешь иметь детей. Пришлось чистить матку и оперировать...

Дальше я ее не слышу. Просто чувствую, как снова теряю сознание. Женщина начинает вокруг меня прыгать, дает мне стакан воды, я даже выпиваю его. Минут через 10 я нахожу в себе силы встать со стула и выйти из ее кабинета. А в голове пульсирует услышанное:

Плод спасти не удалось. Ты больше не сможешь иметь детей.

Я выхожу из больницы на ватных ногах. Еле-еле доползаю до лавочки и беспомощно на нее опускаюсь. Просто тупо сижу и смотрю в одну точку.

Плод спасти не удалось. Ты больше не сможешь иметь детей.

— Девочка, ты чего такая бледная? — спрашивает меня соседка по лавочке, пожилая женщина.

— Я потеряла ребенка, — говорю ей, продолжая смотреть в одну точку.

— Ой-ой-ой! Как же такое произошло-то? Ты же еще совсем молоденькая! Организм сильный должен быть.

— Решила сказать о беременности отцу ребенка, а он не захотел даже слушать.

— Нервный срыв, значит? Да, это дело опасное. Ох, поубивать надо всех, кто доводит беременных до выкидышей. Вот есть в уголовном кодексе статья — доведение до самоубийства, а надо добавить туда еще одну — доведение до выкидыша. Потому что это тоже убийство. Это ведь еще не рожденный человечек!

Женщина продолжила причитать дальше, а в меня будто ударила молния.

Илья убил нашего ребенка. Илья навсегда сделал меня бесплодной. Илья лишил меня последнего шанса на нормальную человеческую жизнь. Илья лишил меня смысла существования.

Я воссоздаю в памяти его глаза, его светлые волосы, его улыбку, его движения, взмах его ресниц. Но больше я не испытываю любви. Я испытываю по отношению к этому человеку бескрайнюю животную ненависть и жажду убить его, как он убил нашего ребенка.

Я встаю с лавки и, не прощаясь с женщиной, плетусь по тротуару. Я не знаю точно, где я нахожусь. Кажется, я вышла к Фрунзенской набережной. Я иду по ней и смотрю на реку. Мимо проплывает речной трамвайчик, а на нем громко играет музыка и танцуют люди. Я останавливаюсь, прислоняюсь к перилам и смотрю на них, пока кораблик не проплывает мимо. Я еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас, глядя на этих веселых людей.

Мне никогда не быть такой счастливой, как они.

У них есть жизнь, у них есть счастье, у них есть веселье, они могут иметь детей. У меня нет ничего из этого. А Илья Токарев лишил меня последней надежды на нормальную жизнь. Он забрал у меня последний шанс вылезти из этой ямы, в которой я всегда находилась и в которую я провалилась еще больше после смерти мамы и папы.

По щекам потекли слезы. Если бы родители были живы, ничего бы этого не случилось... Я бы не пошла ни на какую вечеринку и ничего бы этого не произошло. Правильно они делали, что никуда меня не пускали. Вот чем заканчиваются походы на такие мероприятия.

— Девушка, вам плохо? — спрашивает меня какой-то парень, когда я уже сгибаюсь от рыданий.

Я ему не отвечаю. У меня сейчас нет сил что-либо говорить.

— Девушка, вас отвезти куда-нибудь? — Не унимается прохожий.

Я отрицательно качаю головой и спешу от него убежать. Я дохожу до квартиры, открываю ключом дверь и первое, что я вижу в прихожей и в гостиной — моя кровь. Она как доказательство того, что я потеряла своего ребенка и больше никогда не смогу иметь нового.

Я иду в ванную, смачиваю половую тряпку и начинаю оттирать кровь. Слезы продолжают меня душить, и чем сильнее мои рыдания, тем сильнее я тру пол. Кажется, если я не остановлюсь, то я затру линолиум до дыр.

Я все-таки нахожу в себе силы отбросить тряпку в сторону. Падаю на пол вниз животом и захожусь еще большим плачем.

В последующие дни я заставляю себя выходить из квартиры, чтобы просто немного развеяться. Чаще всего я прихожу к Новодевичьему монастырю. Сажусь на лавочку в тени деревьев и просто сижу, уставившись на пруд. Потом возвращаюсь домой, ложусь на диван и смотрю в потолок. И так каждый день.

Этот день ничем не отличался от предыдущих. Через неделю 1 сентября, и начнется учеба в университете. Но у меня нет абсолютно никакого желания туда идти. У меня только одно желание — смотреть в одну точку и представлять разные варианты смерти Ильи Токарева.

Вот он падает под поезд. Вот он срывается с моста. Вот он разбивается на самолете. Вот его сбивает машина.

А вот я пускаю ему пулю в лоб.

— Последние теплые денечки в Москве. Скоро уже осень, — слышу я спокойный мужской голос слева от себя.

Резко оборачиваюсь и вижу пожилого мужчину в темных очках. Его седые волосы зачесаны назад, губы стянуты в нитку, а в руках он держит трость. Я даже не услышала, как он подошел и сел рядом. Бросаю на него беглый взгляд и тут же отворачиваюсь. У меня нет желания разговаривать с незнакомцем.

— Но, я думаю, в середине сентября еще будет бабье лето, — не унимается мужчина.

Он мне не нравится. Зачем он пытается со мной заговорить? Я встаю с лавочки и тороплюсь уйти.

— Куда же ты, Ксюша? — Обращается ко мне, а я замираю.

Откуда он знает, как меня зовут?

Медленно поворачиваюсь к незнакомцу и с подозрением на него смотрю. А он растягивает губы в едва заметной улыбке.

— Присядь, Ксюшенька. — И указывает мне рукой на место, с которого я только что поднялась.

— Кто вы? — Осторожно интересуюсь у него.

— Я старый добрый друг твоих родителей. — И снова едва заметло улыбается.

Эти слова заставляют меня вернуться на лавку, хотя на самом деле я должна бежать прочь. У моих родителей не было друзей. Мне это известно. Но откуда-то этот незнакомец знает мое имя.

— Что ты знаешь о своих маме и папе, Ксюша? — Тихо спрашивает мужчина, а сам смотрит вперед. Его голос тихий, но слышен хорошо. При этом слова он выговаривает практически не двигая губами.

— Их звали Андрей и Наташа. Папа работал инженером, а мама экономистом.

Сама не знаю, зачем говорю это ему, зачем вообще сижу тут с ним. Но есть в этом мужчине что-то магнетическое, что-то, что заставляет сидеть тут с ним и отвечать на его вопросы.

Он едва слышно засмеялся.

— Ты ничего не знаешь о своих родителях, Ксюша.

— А что о них знаете вы?

— Всё.

Это слово звучит так просто из его уст. «Всё». А я, родная дочь, — ничего.

Я молчу, продолжая прожигать незнакомца взглядом, а он все так же невозмутим и смотрит ровно вперед. Под его темными очками я не могу рассмотреть глаза. Но отчего-то мне кажется, что они не выражают никаких эмоций, как и его лицо.

— Твоего папу звали Сергей, а маму Татьяна. Они были выходцами из детских домов. Поэтому у тебя совсем нет родственников, Ксюша. И твои родители не были инженером и экономистом на каком-то непонятном предприятии, которое ты даже не знаешь.

— Почему это не знаю? — Возмущаюсь.

Нормальный человек на такую интонацию собеседника повернул бы голову. Но не этот мужчина. Он будто не слышит моего протеста. Он будто вообще не разговаривает со мной. Продолжает смотреть прямо, едва двигая губами, когда говорит.

— Да? И как же называется предприятие, на котором работали твои родители?

Я осеклась. Действительно, а как оно называется?

— Ээээм. Не помню, — решаю соврать.

— Не помнишь или не знаешь?

Удивительно, как он может загонять в угол собеседника, даже не поворачивая к нему головы.

— Не знаю, — тихо отвечаю, понутив голову.

— А я знаю, как называется это предприятие.

— И как же?

— Российская разведка. Вот только твои папа и мама были там отнюдь не инженером и экономистом.

— Чтооооо?

Мое лицо вытягивается в изумлении.

— Ксюша, — его голос становится жестким, — твои родители были полковниками российской разведки. Они были профессиональными шпионами и очень много лет работали на благо нашей Родины. И они погибли отнюдь не в автокатастрофе в российской провинции. Их убил один человек, когда они находились на задании в Германии. Смерть твоих папы и мамы — настоящая потеря для нашей страны.

Я смотрю на него во все глаза и не верю ни единому слову.

— Вы несете какой-то бред! — Бросаю ему и резко подскакиваю со скамейки

— Тебе никогда не казалось странным, что тебе не разрешено иметь друзей, пользоваться интернетом и броско одеваться? Тебе никогда не казалось странным, что твои родители ни с кем не общаются? Тебе никогда не казалось странным, что тебе никуда нельзя ходить?

Он говорит это все тихо, но я все равно слышу каждое слово, хоть уже и отошла от лавочки на несколько шагов. На секунду мне кажется, что он умеет управлять своим голосом, как музыкальным инструментом.

Естественно, его слова заставляют меня вернуться на место.

— Кто вы? — Спрашиваю его со злостью.

— Я уже ответил тебе на этот вопрос. Я старый друг твоих родителей. Твоя мама была моей ученицей. — Он секунду медлит. — Моей лучшей ученицей.

— Чему вы ее учили?

— Я учил Танечку быть шпионкой. Мы с ней встретились, когда ей едва исполнилось 16. Она была самой умной в своем детском доме. И, если бы мы с ней случайно не встретились, одному Богу известно, что бы с ней произошло в этом месте для беспризорников. Танюша отлично училась в моей школе и схватывала все налету. В 18 лет она уже была профессионалкой, и я смог отправлять ее на задания. Я поручал ей самые важные и самые ответственные задания! Потому что знал — Танюша все выполнит безукоризненно. Потом она встретила твоего папу. Их вместе отправили на миссию. Им нужно было притвориться мужем и женой и достать чертежи нового китайского оружия. Они с успехом выполнили это задание и стали мужем и женой на самом деле. Сережа тоже выходец из детского дома, и учился в шпионской школе для мальчиков. Твои родители 20 лет проработали на благо нашей страны, Ксюша, дослужились до звания полковников. И вот несколько месяцев назад они поехали в Германию на очередное задание, где их убил личный враг твоего отца.

Я пребываю в полном шоке от услышанного, но все же выдавливаю из себя вопрос.

— Кто он?

— Американец, агент ЦРУ. Он приехал в Германию за тем же, за чем и твои родители. Вообще, твой отец всегда конкурировал с ним и часто выигрывал. Американцы часто посылают своих агентов за тем же, за чем едут и наши. Ведь не только мы охотимся за чертежами нового китайского оружия или за информацией, скрытой в офшорах и различных налоговых гаванях. Американцы тоже за этим охотятся. И твой отец очень часто оказывался с этим американцем один на один в поисках нужной информации. И вот, в конце мая, ЦРУшник устал бороться с твоим отцом и убил его, а следом и твою маму.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

Он тихо смеется.

— Наконец-то ты задала правильный вопрос, Ксюша. Я рассказываю тебе это, потому что считаю, что ты должна продолжить благое дело своих родителей. Ты должна работать на пользу нашей страны. Как твои папа и мама.

Я сижу будто приросла к лавочке.

— Не думаю, что смогу. Да мне это и не интересно.

— Сможешь, еще как сможешь. Ты так похожа на Танюшу. Она в 18 лет выглядела точно, как ты.

— Извините, но мне это не интересно.

Он тяжело вздохнул, засунул руку под пиджак и достал из внутреннего кармана небольшую бумажку, сложенную вдвое.

— Подумай, Ксюша. Вот мой номер телефона. Если примешь положительное решение, то напиши мне одно сообщение. Но когда будешь принимать решение, думай о своих родителях. Тебе хочется, чтобы их смерть была напрасной? Ты сможешь спокойно жить дальше, зная, что где-то по свету расхаживает их убийца? А, может, он в этот момент убивает еще чьих-то родителей? Твои папа и мама очень любили нашу Родину и служили ей верой и правдой. Наша страна потеряла двух героев...

Я больше не слушаю его. Подскакиваю с лавки и несусь домой. Я не взяла у него бумажку с номером телефона, но, когда уже дома, снимала с себя джинсы, чтобы переодеться в домашние штаны, она вдруг выпала из моего кармана.

Как она там оказалась? Я же ее не взяла.

Я развернула небольшой листочек и увидела номер с подписью «Иосиф Шанцев».

Я плюхнулась на диван и уставилась в одну точку.

Это все правда? Мои родители были шпионами? Как в фильмах?

Если да, то это многое объясняет. Ведь у нас действительно нет родственников и друзей. Мне никогда не разрешали никуда ходить, ни с кем общаться. Мы вели абсолютно закрытый образ жизни. К тому же что я знаю о своих родителях кроме того, что их зовут Малахов Андрей Константинович и Малахова Наталья Николаевна?

Где они учились? Как они познакомились? На каком именно предприятии они работали?

И еще один момент. Почему родители никогда не фотографировались и не разрешали фотографироваться мне? Даже в школе на общих снимках нашего класса. И я ведь не фоткалась для школьного альбома перед выпускным. И почему я никогда не видела фотографии со свадьбы своих родителей? Может, потому что их нет?

Чем больше я анализирую, тем больше я убеждаюсь в том, что этот незнакомец говорил мне правду. Мои родители были разведчиками... Шпионами...

Но хочу ли я быть, как мои родители?

Нет, определенно не хочу. Я не хочу продолжать такую же жизнь. Я хочу жить нормально, как все люди.

Меня начинает разбирать истерический смех.

А разве я смогу нормально? Разве Илья Токарев оставил мне шанс на нормальную жизнь? Он сделал меня бесплодной. Он лишил меня возможности быть счастливой. Живет сейчас в своей Америке, веселится, а у меня из-за него перечеркнута вся дальнейшая жизнь.

Как же я его ненавижу... Как же я его ненавижу...

«Ты не Яна Селезнева»

Да, я не Яна Селезнева. Я бесплодная сирота. Поломанная. Уничтоженная. Никому ненужная.

Я встаю с дивана, беру в руки телефон и печатаю на указанный в бумажке номер два слова:

«Я согласна»

Глава 6. Машина для убийств

— Ты сделала правильный выбор, Ксюшенька, — Шанцуев улыбнулся мне уголками губ. Я сижу в его кабинете в секретном здании российской разведки в центре Москвы. Я бывала в этом районе раньше и неоднократно проходила мимо этого серого и совершенно неприметного здания. Знала бы я тогда, что это обитель русских шпионов.

— Что мне нужно делать?

— Сначала учиться в школе под моим руководством. В среднем обучение занимает два года.

— А что потом?

— А потом ты будешь работать на благо нашей страны. — И он снова улыбнулся уголками. Я не могу ответить ему тем же. Я сижу, вжавшись в стул, и каждые три секунды думаю о том, чтобы сбежать отсюда.

— Что именно мне придется делать?

— Всё, что потребуется для нашей Родины, Ксюша. Всё, что потребуется.

Мне не нравится слово «всё». Из-за него желание сбежать отсюда прямо сейчас еще сильнее, но я подавляю его в себе.

— И когда начнется учеба?

— С 1 сентября. У нас все почти, как в обычных учебных заведениях.

— А как мне быть с моим университетом, в который я поступила?

— Он тебе больше ни к чему. Ходить туда не придется, но через четыре года диплом получишь, за это даже не переживай. А всему тому, чему ты должна учиться в своем вузе, мы научим тебя тут. Чтобы в обычной жизни у посторонних людей не возникало подозрений насчет твоего диплома.

— Хорошо.

И с 1 сентября у меня действительно началась учеба. Я съехала из дома и поселилась тут. Мне выделили комнату метров 12, с кроватью, столом, стулом и шкафом. Я, конечно, подозревала, что это будет не обычная школа и не обычное обучение, но я даже подумать не могла, что настолько...

Нет более тяжелой учебы, чем учеба быть профессиональной разведчицей. Здесь нет выходных или каникул, здесь нет вообще никакого отдыха. Обучение идет 24 часа в сутки 7 дней в неделю и так на протяжении двух лет. Нас 15 девушек. Все сироты или из неблагополучных семей. Иными словами, те, кого не будут искать и по кому не будут скучать, если вдруг их неожиданно не станет.

И нас тут учат не только воровать или обманывать. Это, пожалуй, самое простое из всего. Нас профессионально обучают боевым искусствам, стрельбе из всех видов оружия, психологическому давлению, а также читать по губам на нескольких языках, двигаться абсолютно бесшумно, держать самообладание в любых ситуациях. Но это все тоже не так сложно.

А вот что действительно сложно — это, например, избавление от страхов. У каждой девушки выявляют ее личные фобии. Например, кто-то боится пауков, кто-то тараканов, кто-то темноты... У каждой свои страхи, от которых здесь излечают. Потому что если враг узнает, чего ты боишься, именно это он против тебя и применит.

Я боюсь высоты и змей, и меня лечили от этих страхов. Метод избавления от них самый простой — клин клином. Меня пускали в комнату, кишашую змеями, через которых я должна была пробраться к выходу. Змеи настоящие и ядовитые. И хоть мне кололи противоядие, и за дверью дежурила бригада врачей, от страха это не спасало.

Я никогда не забуду свой первый раз в этой комнате. Мне еще долго после этого снились кишашие вокруг змеи. Я вошла на ватных ногах, а вокруг меня сразу за клубились эти отвра-

тительные животные. Они высовывали свои раздвоенные языки и поднимались во весь рост. Некоторые из них были рассредоточены по углам и жалили друг друга.

Я полностью избавилась от этой фобии на 120-й раз пребывания в такой комнате. Спокойно прошла ее, даже не обращая внимания на змей. Но страхи имеют свойство возвращаться, поэтому на протяжении всех дальнейших лет службы в разведке я проходила эту комнату раз в несколько месяцев. И впоследствии я легко смогла находиться в ней без противоядия и без врачей за дверью. Я отлично выучила психологию этих животных. А, может, я и сама стала одной из них.

От страха высоты лечили тоже очень просто. Поднимали нас в небо на самолете и сталкивали из него с парашютами. Я перестала бояться высоты во время 35-го прыжка.

Еще одно человеческое недоразумение помимо страхов, которое враг может использовать против тебя, — это физическая боль. Поэтому нам повышали болевой порог. Обычный человек выложит всю информацию сразу, как только ему под ногти засунут иголки. Но только не шпионы. Нам вырабатывают иммунитет к иголкам под ногтями, ударам по мизинцам, кипятку, зубной боли и многим-многим другим ее видам.

В боли, как в случае и со страхом, клин клином.

Нас учили профессионально перевоплощаться. Для этого недостаточно нацепить на себя парик, а в глаза засунуть линзы. Нужно полностью стать другим человеком, другой личностью: менять походку, интонацию голоса, смех, улыбку, движения рук, даже взмах ресниц. Нужно не просто притвориться другим человеком, нужно стать им. Нужно самой поверить, что ты не Ксюша Малахова, а, например, испанка Каролина.

Для перевоплощения в иностранок нас учили говорить на других языках на уровне носителя и без акцента. Я и так собиралась делать это в своем лингвистическом университете, так что диплом, который мне все-таки выдадут, будет оправданным. Я говорю, как на родном, на английском, испанском, немецком и итальянском.

Главное оружие двушки-шпионки — это ее тело. К сожалению или к счастью, миром правят мужчины, поэтому почти единственный способ, с помощью которого шпионка может получить то, что ей нужно — это постель. У нас был профессиональный секс-инструктор, который научил нас быть в кровати настоящими проститутками. Очень приятный 35-летний мужчина по имени Никита. И учил он нас не в теории, а на практике.

Я уже не была девственницей, а вот многие девчонки все еще да. И Никита стал их первым мужчиной. Многие из них в него потом еще и влюбились, но только не я. Я больше не способна испытывать человеческие чувства. Разве что ненависть к одному человеку.

Никита был строгим учителем, но зато благодаря ему я умею делать в постели то, о чем многие мужчины боятся даже мечтать. Любая поза, любой вид секса: вагинальный, оральный, анальный, БДСМ, фут-фетиш, шибари, групповой секс, свинггинг... Я могу удовлетворить любую фанатазию. Я умею танцевать стриптиз, я умею возбуждать голосом, я умею надевать презерватив ртом, я умею стимулировать мужской член через штаны так, что он кончит через минуту.

Я умею в сексе абсолютно все.

Нас учили убивать людей. Одно дело владеть боевыми искусствами и уметь стрелять из всех видов оружия, а совершенно другое дело — по-настоящему убить человека. Для этого нужна серьезная психологическая подготовка. Именно ее нам и проводили: готовили нас к этому морально и психологически.

Я, не задумываясь, могу пустить пулю в лоб совершенно любому человеку.

Нас учили не бояться смерти. Любой разведчик должен быть готов к тому, что его могут раскрыть на задании. И в этом случае, скорее всего, все закончится его смертью.

Я не боюсь умереть.

Нас учили пить алкоголь и не пьянеть, профессионально соблазнять и обольщать мужчин, обманывать детектор лжи, внушать собеседнику нужную информацию, не спать несколько суток, надолго задерживать дыхание под водой, профессионально плавать и прыгать в воду с большой высоты, водить как праворульные, так и леворульные автомобили... Да чему нас только не учили, чтобы через два года мы стали профессиональными машинами для убийств.

И я ею стала. Я больше не испытываю ни перед чем страха, я не испытываю физическую боль, я не испытываю жалости. Скажут убить — я убью. Скажут покалечить — я покалечу. Даже абсолютно невиновного человека.

Шанцуев, которого за глаза все называли просто Шанц, очень внимательно следил за процессом нашего обучения, хотя помимо школы шпионок у него полно и другой работы. Он генерал-майор разведки, и он в том числе решает, куда, кого и на какие задания отправить. Также именно перед ним нужно держать полный отчет о проделанной работе. И перед ним же отвечать за косяки.

Моей первой миссией было узнать подробности закрытых переговоров министра обороны США и премьер-министра Испании, которые проходили в Мадриде. Мы подозревали, что они будут обсуждать новые планы НАТО, и нам нужно было завладеть этой информацией. Для этого я соблазнила личного помощника премьер-министра Испании, усыпила его на сутки, выкрала ключи и электронные пропуска от его кабинета, а затем перевоплотилась в него и вышла за него на работу. И на этих переговорах я присутствовала вместо него.

Да, в школе нас учили перевоплощаться в том числе в мужчин и имитировать мужской голос.

Когда этот помощник премьер-министра очнулся и понял, что произошло, он, естественно, не сказал никому ни слова. Ведь тогда бы его уволили.

Первые два года я занималась только шпионажем и воровством. За это время я кем только не была. Раз десять я перевоплощалась в итальянок, раз пятнадцать в немок, раз двадцать в американок... У меня было такое количество личностей и имен, что я все даже и не вспомню.

Глава 7. Бостон

На третий год пребывания в разведке я получила звание лейтенанта и первое задание убить. Шанцуев вызвал меня к себе, как он всегда обычно вызывал перед каждым заданием.

— Поздравляю с повышением, Ксюша, — он улыбнулся уголками.

— Спасибо, Иосиф Валерьянович.

— Ты молодец, Ксюшенька. Отлично справляешься. Если и дальше так пойдет, до высокого звания дослужишься.

— Еще раз спасибо, — я улыбнулась ему в ответ.

Шанц снял очки и потер глаза. Они у него почти бесцветные.

— Твое новое задание очень ответственное. Очень.

— Хорошо. В чем оно заключается?

— Ты должна убить человека, который убил твоих родителей. — И он пристально посмотрел мне в глаза, а у меня, кажется, перехватило дыхание. Даже не знаю, от чего именно: от того, что я должна буду первый раз убить, или от того, что я должна убить ликвидатора моих родителей.

— Кто он? — Сухо бросаю Шанцуеву.

— Как я тебе уже однажды говорил, агент ЦРУ.

— Я это помню. Но мне нужно больше информации.

— Конечно. Его зовут Брэд Роджерс. Он в последнее время стал сильно нам мешать. Недавно он убил еще несколько наших. Было принято решение избавиться от него. И я поручаю это задание именно тебе. — Шанц снова просканировал меня взглядом. — Ты ведь справишься?

— Сделаю для этого все возможное.

Он кивнул.

— У него есть одна слабость — красивые девочки. Он периодически снимает номера в гостиницах и вызывает себе проститутку. Тебе нужно стать одной из них. Но есть проблема — у него натренирован глаз, и он сразу выпечпит, если ты будешь с искусственной внешностью. Тебе придется идти на задание собой. Говоришь ты по-английски без акцента, но тем не менее лучше все-таки помалкивать. Мало ли проскочит словечко с акцентом. Обычный человек это не заметит, а он заметит.

— Но ведь если я пойду собой, то засвечусь на всех камерах... — Я запротестовала.

— Тут нам кое-что играет на руку. Он в гостиницах снимает для себя целый этаж, и для него там отключают все камеры. Ты зайдешь в отель с другой внешностью, поднимешься на этаж, вернешь себе свой облик, а потом снова переоденешься. К тому же мы снимем тебе квартиру в неблагополучном районе, в которых обычно не бывает камер. Ну и в туалетах «Макдоналдса» их тоже нет, сможешь, если что, и там переодеться. — Он отхлебнул воды из стакана. — В общем, Ксюша, с этим ты сама разберешься, не маленькая. Главное, не появиться перед Роджерсом в парике или в линзах, тогда он сразу тебя раскусит.

— Ладно, придумаю что-нибудь. Где и когда?

— В Америке, в Бостоне, через неделю.

Я прилетаю в США, как всегда, с поддельным паспортом. Еще один важный момент — под каждое новое задание, под каждую новую личность ты получаешь новый паспорт. И вот я голубоглазая блондинка Борисова Яна Николаевна выхожу из аэропорта Джона Кеннеди в Нью-Йорке, беру такси и еду в Бостон. Там я поселяюсь в самом мрачном и неблагополучном районе, где совершенно точно не будет видеокамер. Сутки я отсыпаюсь и перестраиваюсь на американское время, а затем отправляюсь на задание.

Я в предвкушении. Я хочу отомстить за смерть родителей. Я хочу пустить в него пули, глядя ему в глаза. Я хочу насладиться его смертью.

Брэд Роджерс снял для себя целый этаж в самой крутой гостинице Бостона. Он заказал для себя пять проституток. Одну из них — Дженнифер — я заранее выцепила и усыпила на сутки. Я пойду вместо нее. Я захожу в гостиницу кареглазой шатенкой в черном плаще, под которым лишь чулки и белье. Поднимаюсь на нужный этаж, снимаю с себя парик и линзы и стучу в номер.

Он открывает мне почти сразу. Уже подвыпивший, в банном халате и с боклаом шампанского в руке. Ему лет 45, коротко стриженные волосы уже прилично тронуты сединой. Под халатом легко угадывается очень сильное накаченное тело.

— Проходи, детка, это для тебя, — он секунду сканирует меня своим профессиональным взглядом разведчика и протягивает бокал шампанского.

Я улыбаюсь ему голливудской улыбкой, беру бокал и тут же спешу сделать глоток. Прохожу в номер, где четыре другие проститутки уже оголили некоторые части своего тела и так же, как я, пьют шампанское. Мне нужно их усыпить.

Роджерс берет стакан виски, снимает с себя халат, ложится на живот и приказывает одной из девочек делать ему массаж. Пока она натирает ему спину, я незаметно подсыпаю остальным снотворное. Я добавляю его и в бокал к массажистке, пока она тянется к уху мужчины что-то ему нашептать.

Через 10 минут они все засыпают. Массажистка так вовсе сваливается на Роджерса. Когда он резко оборачивается, заправляя халат, я уже навела на него пистолет с глушителем. Он пристально смотрит мне в глаза, а затем начинает тихо смеяться.

— У тебя глаза твоей матери, — говорит мне, делая медленный глоток виски. — И подбородок твоего отца.

Я хмыкаю. Узнал во мне дочь людей, которых он убил, только когда я навела на него оружие.

— Вот только я не убивал Сергея и Татьяну. Тебя обманули.

— Лжешь.

Он снова тихо смеется и делает еще глоток. Странно, он совсем мне не сопротивляется. Зачем я вообще его слушаю? Нужно поскорее пускать в него пулю и убираться отсюда.

Но отчего-то я не могу сделать это так быстро. И не потому, что я боюсь убить. Нет, я не боюсь лишить кого-то жизни. Все дело в том, что он — убийца моих родителей. И я хочу насладиться этим моментом.

— Не лгу. Я всегда уважал Сергея, хоть и конкурировал с ним. И я не убивал его.

Теперь уже моя очередь смеяться.

— И кто же тогда убил моих родителей? Раскроешь секрет?

— Ваши. — Он говорит это как что-то само собой разумеющееся. — Ты разве не знала, что иногда свои убивают своих? Твой отец слишком много знал и в какой-то момент стал слишком опасен для вышестоящего начальства. Вот его и убрали. А вместе с ним и твою мать, потому что она тоже слишком много знала. Они ведь были полковниками. А в российской разведке выше майора подниматься нельзя, если хочешь пожить подольше. Иначе свои же тебя и уберут.

— Я не верю ни единому твоему слову, — цежу ему сквозь зубы и нажимаю на курок.

Я делаю три выстрела и, когда в Роджерса попадает последняя пуля, по его взгляду я понимаю: он не врал.

Но мне сейчас некогда с этим разбираться. Нужно срочно уносить отсюда ноги. Через восемь часов у меня самолет в Москву, а через сутки очнутся проститутки и поднимут тревогу. Я быстро возвращаю на голову парик, а в глаза засовываю линзы. Делаю на пальцах порезы

лезвием, чтобы изменить свои отпечатки, и тут же заклеиваю их пластырями, чтобы не оставить свою кровь. Бросаю в сумку пистолет и бокал, из которого я пила шампанское, запахи плащ и как ни в чем не бывало выхожу из отеля.

Я иду по центру Бостона спокойным шагом, абсолютно никак не привлекая к себе внимания. Но проходя мимо одного из баров, я резко останавливаюсь. Потому что вижу через огромное окно его.

Илья пьет пиво, ест картошку фри и разговаривает с какой-то девушкой. Но я на нее даже не смотрю. Я прикипела глазами к нему.

Пиво в его стакане уже подходит к концу, и он порядком захмелел. Он что-то увлеченно говорит своей собеседнице и смеется. Я умею читать по губам, но сейчас я этого не делаю. Я просто смотрю на него в упор и даже не двигаюсь.

У него все хорошо. Он невозмутим. Он счастлив. У него жизнь удалась.

Я наблюдаю эту картину будто в замедленном действии. Вот он делает еще глоток и снова смеется. Девушка начинает что-то рассказывать, он ее внимательно слушает и снова тянется к картошке фри. Макает ее в кетчуп и закидывает в рот. Делает из кружки еще глоток и подзывает официанта, чтобы ему принесли еще пива.

Он сидит весь такой веселый и радостный и даже не подозревает, что сломал мою жизнь, что сподвиг меня стать беспощадной машиной. Я только что убила человека и, я уверена, это мое не последнее убийство. Я буду убивать еще, а он будет продолжать счастливо жить. Как и сейчас, будет ходить в бары, пить пиво и смеяться.

А у меня из-за него никогда не будет детей. У меня из-за него навсегда перечеркнута жизнь.

Мне нужно поскорее избавиться от пистолета и делать отсюда ноги, но я не могу. Я все продолжаю стоять на тротуаре и смотреть на Илью. И в какой-то момент я больше не могу контролировать свою ненависть к этому человеку.

Я тянусь в сумку за пистолетом. Сейчас я пушу ему пулю в лоб. И мне плевать, что меня тут же схватят и дадут пожизненное заключение за двойное убийство. У меня все равно нет будущего. Я никогда не смогу жить, как обычный человек. Я никогда не буду счастлива.

Я убью его сейчас так же, как он убил нашего ребенка. Моего ребенка. Мою надежду на светлое будущее.

Ладонь уже нащупала ручку пистолета и потянула его из сумки, как вдруг спутница Ильи резко ко мне обернулась и посмотрела прямо в глаза.

Что я прочитала в огромных синих глазах этой смутно мне знакомой девушки? Бескрайнюю боль. Эта девушка поломана так же, как я.

Меня сломал Илья. А кто же сломал ее?

Она отворачивает от меня голову обратно к Илье, открывает рот что-то сказать, и я решаю прочитать, что она говорит. Внимательно смотрю на ее губы.

— Илюша, спасибо тебе большое. — Они разговаривают на русском. — Если бы не ты, даже не знаю, что бы со мной было. Ты меня спас. Я так благодарна, что ты ко мне тогда пришел и вытащил меня с самого дна.

Он ей грустно улыбается и крепко сжимает ее ладонь. А на глазах у этой девушки выступают слезы.

И я понимаю, что если сейчас пушу Илью пулю в голову, она это не переживет. Он для нее самый близкий человек. Он ей как брат.

Я не знаю, что заставило меня тогда отпустить пистолет и вытащить из сумки руку. Жалость к этой девушке? Но я давно не испытываю жалости к людям. Страх за то, что меня тут же схватят? Но я не боюсь умереть.

Я не знаю, что тогда сподвигло меня оставить Токарева жить. Я не знаю, что в самый последний момент сдержало меня от того, чтобы пустить ему пулю в лоб. Но я поспешно отвернулась от этого бара и быстро зашагала по тротуару.

Сегодня я сделала Токареву подарок, который он не заслуживает. Сегодня я подарила ему жизнь.

Глава 8. Свадьба

Последующие годы работы профессиональной шпионкой я пыталась выяснить правду о смерти своих родителей. А еще начала готовить почву для ухода из разведки.

Здесь нельзя просто написать заявление на увольнение, отработать две недели и спокойно уйти. Во-первых, здесь вход стоит рубль, а выход — два. Во-вторых, в этой профессии «бывших» не бывает.

Даже если каким-то образом тебе удастся договориться и тебя отпустят, то ты все равно никогда уже не сможешь нормально жить. Твоя жизнь будет на крючке до конца твоих дней. И на крючок будут брать всех людей, с которыми ты близко общаешься. Мне нельзя будет выйти замуж, усыновить ребенка, завести друзей. Их всех тут же возьмут на мушку.

У меня нет будущего. Илья лишил меня не только возможности иметь детей, но и в целом безопасно существовать. Из этой системы, в которую я попала из-за него, нельзя выйти сухим. Ты будешь жить, пока тебе позволяют жить. Ты будешь общаться с теми, с кем тебе позволяют общаться. Как только они увидят, что у тебя появился кто-то близкий, его тут же уберут.

Система слишком боится, что ты раскроешь ее секреты. А чем выше твое звание, тем больше секретов ты знаешь. Роджерс был прав. Выше майора здесь подниматься нельзя.

Когда я получила звание капитана, я уже точно знала, что моих родителей убили наши. Приказ об этом отдавал Шанцуев. Этого человека я ненавижу наравне с Токаревым.

На то, чтобы узнать правду о смерти родителей, мне потребовалось три года. Это было невероятно сложно, но я все же смогла собрать по крупицам полную картину. Моя мать забеременела, и они с отцом захотели уйти из разведки. Пришли к Шанцуеву, но он их непустил. Отец стал ему угрожать, и Шанц отдал приказ об их ликвидации.

Больше всего Шанцуев боится, что бывшие разведчики будут жить полной жизнью, потеряют бдительность и начнут нести угрозу для системы. И мое бесплодие, которое главный гинеколог разведки подтвердила мне еще на медкомиссии перед началом шпионской школы, играет мне на руку. Я полной жизнью жить не смогу, потому что я бракованная.

Помню, как Шанцуев довольно улыбнулся, когда узнал, что я бесплодна. Наверное, это была единственная искренняя эмоция, которую я видела на его лице за все годы знакомства.

— Поздравляю со званием майора, Ксюшенька, — Шанц участливо похлопал меня по плечу, когда мы с ним прогуливались по внутреннему двору нашей шпионской обители. — Ты большая молодец. Родина гордится тобой.

Я ему широко улыбнулась.

— Спасибо большое, Иосиф Валерьянович.

— Еще несколько лет и несколько ответственных миссий и полковником станешь!

— Знаете, я бы, наверное, остановилась на майоре.

Он рекзо ко мне обернулся.

— Почему это!?

— Я не планирую делать масштабную карьеру в разведке, становиться генералом, возглавлять что-либо, отдавать приказы. Я исполнитель, но не начальник.

Я намеренно говорю ему это. Я знаю, что когда я завершила учебу в школе, наш главный психолог охарактеризовал меня Шанцу как исполнителя, а не руководителя.

— И что же ты всю жизнь будешь топтаться на майоре?

Я пожала плечами.

— Не знаю... Если честно, я в тупике, Иосиф Валерьянович.

— В каком еще тупике?

Я вздохнула.

— Я не вижу себя начальником, но в то же время выполнять обычные задания мне уже наскучило. Мое последнее только с виду было сложным — ликвидировать немецкого чиновника и инсценировать его самоубийство. А я управилась с ним за час. Для меня выполнить миссию — как семечки пощелкать. Но в то же время и вариантов профессионального роста для меня уже нет. Поэтому я в тупике, и не знаю, что мне делать.

Шанц тихо засмеялся.

— Уж не намекаешь ли ты мне на то, что хочешь уйти из разведки?

Я снова пожала плечами.

— Если я скажу, что никогда об этом не думала, то это будет не правдой. Периодически я думаю об этом. Но чем мне и на гражданке заниматься, я тоже ума не приложу. Я ведь ничего не умею кроме того, что делаю сейчас.

— Ты знаешь иностранные языки.

Я сморщила нос.

— Предлагаете мне репетитором по английскому работать? Школьников к ЕГЭ готовить? Нет, это не для меня.

Шанцуева очень тяжело обмануть. Практически нереально. Но за все эти годы я научилась с ним правильно общаться. Я никогда ему не вру, я говорю ему нужную и правильную правду. Да, я действительно не хочу работать репетитором по иностранным языкам. Да, я не вижу себя начальником. Да, я периодически думаю об уходе из разведки. Поэтому мое пожимание плечами и сморщенный нос — настоящие. И Шанц это понимает.

— А что для тебя, Ксюшенька?

— Ох, знала бы я это сама, Иосиф Валерьянович...

После этого я намеренно запорола несколько миссий. Не очень важных, конечно, но все же.

В Москву под видом высококвалифицированного специалиста приехал немецкий шпион. Не профессионал, среднего пошиба, но все же. Мне нужно было стать его любовницей и следить за каждым его шагом в Москве.

У него была слабость — рыжеволосые девушки. Я нарастила волосы до пояса, перекрасилась в рыжий, засунула в глаза зеленые линзы, слегка осветлила кожу и получила паспорт на имя Литвиновой Валерии. Этот придурок не заметил ни искусственных волос, ни искусственно зеленый цвет глаз.

Сразу после окончания шпионской школы я купила себе квартиру на противоположном конце Москвы от моего родного дома. Зарплата разведчицы это позволяет. Свою родную квартиру я закрыла и приходила туда раз в месяц ночью за почтой. И вот в один из таких приходов я обнаружила в почтовом ящике приглашение на свадьбу от одноклассницы Яны Селезневой.

Я минут 10 стояла в подъезде у ящиков с этим пригласительным и тупо разглядывала его. Сознание тут же откинуло меня в школу, напомнило мне Токарева и его слова «Ты не Яна Селезнева».

Да, я не Яна Селезнева.

Не знаю, почему я сразу не выбросила это приглашение. Зачем-то все же кинула его в сумку с конвертами за коммунальные платежи. Дальше передо мной встала дилемма: идти на свадьбу или не идти.

По всем нашим правилам, естественно, идти нельзя. Нам запрещено иметь друзей и с кем-либо общаться. Шпионы должны вести ровно такой образ жизни, который всегда вели мои родители. Никакого интернета, никаких смартфонов, никаких друзей и никаких походов на увеселительные мероприятия. Должен быть максимально серый и неприметный образ жизни, потому что нельзя привлекать к себе внимание.

Но мне нужно показать Шанцу, что я уже выдохлась и что я стала косячить. Мне нужно сваливать из разведки, как можно скорее. Я больше не могу в ней находиться. Эта система — исчадие ада, и я больше не хочу быть ее частью.

Я пошла на свадьбу в образе рыжеволосой Валерии. Гостей оказалось очень много, поэтому на меня особого внимания никто не обращал. Гости со стороны невесты думали, что я от жениха. Гости со стороны жениха думали, что я от невесты.

Я сразу увидела Тока, как только он вошел в ресторан и направился к Яне. Он шел под руку с той самой синеглазой девушкой, которая удержала меня от того, чтобы пустить ему пулю в лоб. Мне хватило двух минут, чтобы понять, что на самом деле они не пара.

Притащил ее для показухи? Похоже на то.

Я наблюдала за ним всю свадьбу. Он по-прежнему весел и счастлив, у него по-прежнему все хорошо в жизни. Он наслаждается каждым днем и даже не подозревает о том, что сотворил со мной. Ненависть снова начала во мне закипать.

Вот он идет танцевать со своей спутницей. Я стою, привалившись к стене, и наблюдаю за ними. А, может, убрать его сегодня? Соблазнить и перерезать горло. Ведь он не заслуживает того, чтобы жить. Мои губы уже расплываются в легкой улыбке, как вдруг синеглазая обращает на меня свое внимание. Я поспешно отворачиваюсь.

Боковым зрением я замечаю, что она говорит что-то Илье, продолжая на меня смотреть. Он поворачивает ко мне голову и внимательно смотрит.

— Крисси, не будь эгоисткой! Она симпатичная, почему бы мне с ней не познакомиться? Я аж сюда чувствую, как от нее тянет магнетизмом. У меня, кстати, рыжих еще не было, — читаю боковым зрением по его губам.

Запал на меня. То, что мне нужно.

Они заканчивают танец и возвращаются к своим местам. Я иду на веранду, предварительно убедившись, что Илья заметил, в каком направлении я пошла. Через несколько минут он появляется. Становится рядом, будто невзначай. А у меня от его близкого присутствия уже задрожали руки — так сильно мне хочется задушить его.

— Вы со стороны жениха или невесты? — Спрашивает с улыбкой и поворачивает ко мне голову.

— Со стороны жениха, — я тоже к нему поворачиваюсь и улыбаюсь. Меняю интонацию своего голоса на соблазнительную. Обычно от нее у мужчин тут же встает член. Илья слегка смутился, а я быстро бросила взгляд на его ширинку. Набухла. — А вы? — Спрашиваю его все тем же голосом.

— Я со стороны невесты. Одноклассник Яны.

Я развожу губы в белоснежной улыбке.

— Валерия, — протягиваю руку. — Можно просто Лера. И на «ты».

— Замечательно. Я Илья. — Он берет мою руку и целует тыльную сторону ладони, глядя прямо в глаза. — Как тебе свадьба?

Я сделала кислое лицо.

— Как по мне, так скучновата.

— Ты знаешь, мне тоже тут не очень нравится. С удовольствием бы продолжил в каком-нибудь месте повеселее.

— И я... — Говорю соблазнительно и слегка прикусываю нижнюю губу.

Ток порывается сказать что-то еще, но вдруг появляется его спутница.

— Илюша! — она подошла к нему и взяла под руку. — А я тебя ищу.

Токарев явно не ожидал ее появления и сильно смутился. Я просканировала ее взглядом и слегка усмехнулась. Гордая. Пришла под видом подставной девушки и бесится, что он ее все время кидает.

— Эээм, Кристина, познакомься, это Валерия, — указал он ей на меня. — Лера, это...

Токарев замялся. Явно не хочет представлять ее в том статусе, в котором привёл сюда.

— Девушка Ильи. — Она закончила фразу за него и широко улыбнулась, протянув мне руку.

А меня будто ударила молния. Это та самая Кристина, с которой я познакомилась на вечеринке Токарева, где он навсегда сломал мою жизнь! Это та девочка, которая пришла к Илье, чтобы спросить его про поступление в Гарвард. Значит, она все-таки поступила, раз сидела с ним в Бостоне в баре.

Я тихо засмеялась своему открытию и пожала ее ладонь. На секунду задержала взгляд на ее больших синих глазах.

В них по-прежнему боль. Она по-прежнему несчастна. Она по-прежнему поломана.

Прямо, как я.

— Приятно познакомиться, Илья и Кристина, — я стрельнула в Токарева взглядом и ушла с веранды.

Через несколько минут я заметила, как Кристина пошла на выход из ресторана. Обиделась на Тока. Я провожаю ее взглядом и не могу сдержать смеха. Уже у двери она ко мне обращается и зло стреляет своими большими и несчастными глазами.

После ее ухода Ток еще пытается возле меня крутиться и как-то спасти ситуацию. А я не могу выбросить из головы эту Кристину. Почему же она так несчастна? Неужели она встретила своего «Токарева», который сломал ее? Похоже на то.

Я смотрю на Илью, который старается обратить на себя мое внимание. Я все еще могу с легкостью уйти с ним отсюда и перерезать ему глотку, как и планировала в самом начале этого вечера. Но если я это сделаю, то Кристина сломается еще сильнее. Ток по-прежнему для нее самый близкий человек.

Меня охватывает злость на эту девушку. Кто она мне такая, что я уже второй раз из-за нее оставляю Токарева жить? Он сломал меня, растоптал, уничтожил, а я уже второй раз дарю ему жизнь. Счастливую, беззаботную жизнь, которую он не заслужил и которой никогда не будет у меня.

— Приятно было познакомиться, Илья, — бросаю ему и быстро направляюсь к выходу.

— Оставишь мне свой номер? — Догоняет меня у дверей.

— Нет. Прощай.

И я быстро исчезаю, в который раз подавляя в себе желание убить его. Господи, я 10 лет отгоняю от себя стремление отомстить ему.

Но однажды, возможно, этот день настанет. Просто еще не время.

Глава 9. Не прощаемся

Шанцуев ожидаемо пришел в бешенство от того, что я, во-первых, пошла на свадьбу, а, во-вторых, сделала это в облике для задания.

— Чем ты только думала, Ксюша!? — Взревел он.

Я потупила взгляд.

— Простите, Иосиф Валерьянович. Просто очень захотелось.

— Чего тебе захотелось? Человеческой жизни? Она не для таких, как мы!

— Мне захотелось немного развлечься. Мне было очень скучно.

Он принялся жадно глотать воду из стакана.

— Так не пойдет, Ксюша. Так не пойдет. До этого ты провалила две миссии. Это никуда не годится.

Я вздыхаю.

— Так может, это я уже не гожусь для этой работы? Я в тупике, Иосиф Валерьянович. Мне скучно. Мне банально больше неинтересно.

Он прожигает меня своими бесцветными глазами.

— Я не отпускаю тебя. Готовься к новому заданию.

— Какому?

— Нужно отравить министра обороны Испании. Станешь для этого испанкой.

— Хорошо, — безразлично соглашаюсь. Это будет третья кровь на моих руках после Роджерса и немецкого чиновника.

Я с легкостью выполняю задание и продолжаю служить дальше. Шанц не готов меня отпустить. Но в его голове уже посеяно зерно сомнения насчет моей дальнейшей пользы. Он перестал поручать мне слишком ответственные миссии. Это хорошо.

Так продолжалось почти два года. В итоге Шанц все же пришел к выводу, что меня лучше отпустить. Тут я пользы больше не принесу. Убивать он меня не стал, я все же не так много знала. К тому же мое бесплодие продолжает играть мне на руку. У меня все равно не будет обычной жизни, как у всех.

Он отдал мне диплом от моего университета, трудовую книжку, в которую вписали, что я работала в нескольких компаниях переводчиком, и со словами «Не прощаемся, Ксюша» лично открыл мне дверь на выход из здания.

— Спасибо за все, Иосиф Валерьянович. Я была рада работать с вами.

— Не прощаемся, — еще раз процедил мне сквозь зубы и закрыл за мной дверь.

Я села в свою машину — простенькую серую «Тайоту» — и поехала домой, прекрасно понимая, что скрывается за его «не прощаемся».

Он не отпустил меня на самом деле. Он будет следить за моей жизнью и не даст мне спокойно существовать. Я буду жить, пока он позволяет мне жить. Люди вокруг меня будут жить, пока он позволяет им жить. Мне категорически нельзя будет ни с кем сблизиться, ни в коем случае не выходить замуж и не усыновлять ребенка. Шанцуев сразу же возьмет их всех на мушку.

У меня до сих пор не появилось друзей. Во время учебы в школе я стала более-менее близко общаться с парой девочек, но теперь наше общение должно прекратиться. Вчера Ася и Вера обняли меня на прощание и шепнули насчет вакансии в некой строительной фирме «Росстрой». Мол, ищут шпионок, чтобы раскручивать конкурентов.

В принципе, у меня полно денег, чтобы не работать вообще. Наследство, оставленное родителями, за 12 лет хорошо преумножилось. Вдобавок я и сама заработала пару десятков миллионов рублей. Но я не хочу сутками сидеть дома и сжирать себя. Хочется иметь какое-нибудь занятие.

Вечером того же дня я звоню руководителю службы безопасности «Росстроя» Петру Олеговичу Терентьеву. Ася предупредила его насчет меня.

— Вы из разведки ведь? — Спрашивает меня на собеседовании.

— Да, но для вашей же безопасности вам лучше не знать подробностей моей предыдущей работы.

Он согласно кивает.

— Я и сам оттуда. Ты дочь Сережи и Тани, так ведь? У тебя глаза твоей матери и подбородок отца.

Я застыла.

— Моих родителей звали Андрей и Наталья, — я делаю акцент на их именах, давая четко понять, что не желаю развивать эту тему.

Терентьев понял мой намек и согласно кивнул.

— Давай к делу. У компании сейчас новое руководство. Год назад прежнее начальство организовало покушение на вице-президента конкурирующей фирмы «Капитал-Строй». Девушка выжила, а вся верхушка «Росстроя» ушла под суд. Новые владельцы сейчас занимаются тем, что пытаются восстановить былое величие компании. Для этого нам нужны несколько девушек, которые будут втираться в доверие к конкурентам и доставать из них нужную информацию.

— У меня есть одно усвоение. Я не убиваю людей.

На моих руках три смерти. Этого достаточно. Если когда-нибудь и появится четвертая, то это будет кровь Токарева.

Терентьев поспешил меня успокоить, что больше никакой мокрухи не будет.

— Тогда по рукам? — Спросил меня.

— По рукам. — Ответила ему.

Глава 10. Час расплаты

Мой кофе уже давно остыл. Я так и не притронулась к нему, пока перед глазами пролетала вся моя жизнь. В моих руках досье на человека, который 12 лет назад разрушил меня, сподвиг стать машиной для убийств. Я дважды оставляла его жить. Я тысячу раз подавляла в себе желание отомстить ему.

Но сейчас судьба сама ведет меня к нему за вендеттой.

В кабинет врывается Анька.

— Ксюша, Олегыч ждет тебя.

— Хорошо.

Я встаю с места, беру папку и направляюсь в кабинет Терентьева.

— Ксюша, — серьезно начинает он, когда я сажусь на стул напротив его стола. — Тебе предстоит очень серьезное дело. И я очень рад, что оно досталось тебе, а не Ане. Она бы не справилась.

— Что нужно?

— Как ты уже наверняка прочитала в досье, Илья Токарев — вице-президент строительной компании «Вижн-Строй». Президент — его отец Илья Токарев-старший. Нам нужно полностью убрать эту компанию, чтобы они вообще перестали существовать. То есть, тебе предстоит не просто подслушать какой-то разговор или украсть какой-то документ. Нужно ликвидировать «Вижн-Строй». — Терентьев пристально на меня посмотрел.

— Каким образом?

— Эта компания — очень крупный бизнес. И, как и любой такой же в нашей стране, он неоднократно укрывался от уплаты налогов, скрывал свою настоящую прибыль, прятал деньги в офшорах. А еще Токаревы неоднократно давали взятки за получение земли под строительство. В общем и целом, в нашей стране все этим занимаются, по-другому тут бизнес не построишь. Но нам нужны доказательства того, что Токаревы этим занимаются.

— И что мы будем делать, когда я достану эти доказательства?

— Пустим в ход против них. «Вижн-Строй» должен перестать существовать.

Я хмыкнула.

— Но ведь тогда Токаревых посадят.

— Это уже не наши проблемы. У них достаточно денег, чтобы откупиться. Все-таки экономические преступления — это не убийство. Но даже если и не откупятся, то сядут заслуженно. Они ведь действительно занимаются коррупцией, скрывают свою настоящую прибыль, недоплачивают налоги, переводят деньги в офшоры.

— Хорошо, я берусь за дело. Но у меня есть одно условие. — Я внимательно смотрю Терентьеву в глаза. — Я не буду перевоплощаться. Я останусь собой.

Он в изумлении облокачивается на кресло.

— Ксюша, ты с ума сошла?! Ты не понимаешь, насколько это опасно?!

— Я остаюсь собой, Петр Олегович. Или я не берусь за это дело.

Он окидывает меня проницательным взглядом бывшего разведчика.

— У тебя с ним личные счёты?

— Да.

Он медлит несколько секунд.

— Хорошо, Ксюша. Приступай завтра же. В этой папке лежит подробный график и подробное расписание твоего клиента на ближайшие две недели. Инсценируй с ним случайную встречу и приступай. Четких сроков по заданию нет, потому что оно все-таки очень сложное. Но чем скорее ты с этим справишься, тем лучше.

— Я вас поняла.

Я спускаюсь в машину и еще долго просто сижу за рулем, не трогаясь с места.

Вот и настал тот час, когда Илья мне за все заплатит. И я даже хочу, чтобы его посадили. Та женщина у больницы была права: нужно добавить в уголовный кодекс статью «доведение до выкидыша». А он не просто довел меня до выкидыша, он еще и лишил меня возможности иметь других детей. Даже приемных. Ведь Шанцуев никогда не допустит, чтобы у меня появился кто-то по-настоящему близкий. Я уверена, что Терентьев ему все обо мне докладывает.

Было бы очень легко снова стать рыжеволосой Лерой, на которую Илья уже однажды запал. Но я не хочу. Я хочу остаться собой. Чтобы Ток знал, кто его уничтожил.

В памяти снова всплывают слова из его сообщения:

«Ты не Яна Селезнева»

Да, я не Яна Селезнева. Я Ксения Малахова.

Илья будет смотреть в мои каре-зеленые глаза.

Илья будет запускать ладонь в мои длинные темные волосы.

Илья будет звать меня моим именем.

Глава 11. Вот так встреча

В субботу вечером Токарев будет в ресторане на Малой Бронной. Я бронирую там столик на шесть человек и нанимаю пять актеров, которые сыграют день рождения. Я на этом дне рождения буду гостей.

Актеры — две девушки и три парня — играют очень хорошо. За нашим столиком действительно идет непринужденная беседа, мы пьем шампанское, нам весело. На алкоголь никто из актеров сильно не налегает. Похвально. Это я умею пить и не пьянеть, а обычные люди нет. И меньше всего мне хочется, чтобы за мои же деньги они напивались и портили мою задумку.

Ток появляется через час в компании все той же Кристины. Кажется, я давлюсь шампанским, когда вижу у нее уже прилично выпирающий живот.

Она беременна???

Следом за Ильей и Кристиной заходит молодой человек с ребенком лет пяти или шести. Они все садятся за один стол, и Кристина спешит взять этого молодого человека под руку. Она светится счастьем.

На секунду где-то глубоко-глубоко в сердце начинает щемить. Эта девушка, с которой я когда-то была в одной лодке, все-таки смогла из нее выбраться. А я нет. И никогда не выберусь.

Они делают заказ, ребенок то и дело ерзает на стуле и весело щебечет. Алкоголь никто из них не пьет. Ну, девушка понятно, а Ток и спутник Кристины, значит, за рулем. Им приносят еду, и ребенок то и дело лезет в тарелку к Илье. Кристина его одергивает, но Ток только смеется и отмахивается от подруги. Накалывает своей вилкой кусочек мяса и дает ребенку. А потом еще кусочек и еще. В итоге Ток сажает ребенка на колени и начинает с ним увлеченно разговаривать. Я приглядываюсь к их губам.

— Илья, ты смотрел нового «Человека-паука»? — Спрашивает мальчик.

— Неа. Еще не успел. Давай вместе посмотрим?

— Давай! А когда ты к нам приедешь?

— На следующих выходных.

— А ты привезешь мне ту машину, которую мы видели?

— Нет, Миш, она же настоящая. Как я могу привезти тебе ее? Но я найду такую же игрушечную. Идет?

— Идет! — ребенок счастливо заулыбался, и они с Током дали друг другу «пять» ладонями.

Потом Илья чмокнул мальчика в макушку и вернул его на место.

А у меня от этой картины задрожали руки. Он так участлив с этим мальчиком, видно, что любит его. А ведь у нас мог бы быть свой сын, точно такой же, как этот. Он бы тоже любил «Человека-паука» и машинки.

Я поспешно отворачиваюсь к своим «друзьям». Кто-то из них сейчас говорит тост нашей «имениннице», мы ударяемся бокалами, я делаю глубокий глоток, а актеры лишь слегка касаются губами.

В ресторане довольно много людей, поэтому конкретно мы особого внимания не привлекаем. Да в общем-то никто не привлекает. Ток со своими друзьями ведет непринужденную беседу. Периодически я приглядываюсь к их губам. Обсуждают общие вопросы.

Где-то через час Илья идет в сторону туалетов.

Пора.

Я встаю со своего места, беру клатч, сразу его расстегиваю и тоже направляюсь к туалетам. На мне серо-голубое платье-комбинация чуть ниже колен, а сверху черный классический пиджак. На ногах классические черные лодочки. Волосы накручены в локоны и собраны в при-

ческу. Несколько прядей красиво спадают на лицо. На глазах светлые тени и черные стрелки, на скулах бронзовые румяна, на губах помада пастельного тона.

Я сворачиваю к туалетам и жду. Как только открывается дверь мужского и из него выходит Илья, я тут же иду ему навстречу, опустив глаза в телефон. Налетаю на него и роняю смартфон с клатчем. Его содержимое тут же разлетается по полу.

— Ой, простите, пожалуйста, засмотрелась в телефон. Я такая неловкая! — Говорю ему своим обычным голосом и склоняюсь поднять с пола косметику и другие мелочи, которые высыпались из клатча.

— Ничего страшного, — с улыбкой говорит мне и опускается рядом со мной, чтобы помочь.

Я собираю свое барахло, не поднимая на него лица. Он тянется к моему зеркальцу и помаде, берет их с пола и протягивает мне, подняв на меня лицо.

— Спасибо, — беру из его рук, но все еще не смотрю.

А он застыл. Впился в меня глазами и как будто перестал дышать. Узнал.

Я уже все собрала в свой клатч и взяла в руки телефон. Осматриваю его на предмет трещин и царапин.

— Ксюша... — Тихо выдыхает севшим голосом.

Глава 12. На крючке

Резко поднимаю на него лицо.

Секунда — я пытаюсь его узнать.

Вторая — узнала и округлила глаза в удивлении.

Третья:

— Ток!? Ты!?

— Я...

Он плотно сцепил челюсть, а на щеках задергались желваки. Я же в свою очередь слегка приоткрыла от удивления рот.

— Вот так встреча! — Говорю ему, поднимаясь на ноги, и тихо смеюсь искренним и беззаботным смехом.

Он встает следом за мной и все еще продолжает меня разглядывать.

— Как твои дела, Илья? — Спрашиваю с улыбкой

— Нормально. Ты как? —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.